

С.М. Телегина

ЛИЧНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО М.Ю. ЛЕРМОНТОВА В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ В.В. РОЗАНОВА

В статье дан обзор работ В.В. Розанова о М.Ю. Лермонтове, анализ оценок философа личности и творчества поэта, зависимость этих оценок от религиозного мировоззрения В.В. Розанова в разные периоды его творческой деятельности.

Ключевые слова: Лермонтов, Розанов, Лермонтов и Пушкин, Лермонтов и Гоголь, Лермонтов и Достоевский, Лермонтов и Толстой, христианство, язычество, мифология древнего Египта и Вавилона, молитва, ангел, демон, Небо, звёзды

В 1926 году филолог и богослов С.Н. Дурылин писал, что «историки литературы берут свои мысли всегда у В.Г. Белинского, Н.Г. Добролюбова, Н.К. Михайловского — и никогда у К.Н. Леонтьева, Н.Н. Страхова, Ю.Н. Говорухи-Отрока, В.В. Розанова, П.П. Перцова». Сергей Николаевич не надеялся дожидаться того времени, «когда просочатся подспудные мысли [Василия Васильевича] Розанова и войдут в историко-литературное суждение»¹ о наших классиках². Но мы дождались. Наследие выдающегося русского мыслителя, преданное после его смерти забвению, возвращается к читателю. В 2010 году завершено издание 30-томного собрания его сочинений, куда вошли и литературно-критические статьи; и сегодня уже очевидно, что без них невозможно осмыслить литературный процесс в России XIX–XX веков. В 2013 году в Костроме издана книга, в которой предпринят системный анализ работ мыслителя о русских

Светлана Михайловна Телегина — исследователь творчества М.Ю. Лермонтова (svetlanategina@yandex.ru).

¹ *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 210. (Б-ка мемуаров: Близкое прошлое. Вып. 21).

² С.Н. Дурылин планировал написать работу «Розанов и Лермонтов»; такие наброски сохранились в его архиве (*Резниченко А.И.* Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта). Приложение 2. Демоны поэтов. Лермонтов; Прил.: Розанов и Лермонтов». [Наброски исследований] (1917?)) // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 481. (Исследования по истории русской мысли. Том 14).

писателях³. Критическим статьям Розанова присуще то, что называют «магией слова» (Н.А. Бердяев): их отличает смелость и экспрессивность мысли, меткая образность языка, блеск и глубина оценок при отсутствии «скучного наукообразия» (В.А. Фатеев).

В наследии В.В. Розанова несомненный интерес представляют статьи о М.Ю. Лермонтове — самобытным, нетривиальным взглядом философа на личность и творчество поэта. Особую остроту и оригинальность этим работам придают эмоциональность тона, свежее и неожиданное прочтение лермонтовских текстов. Но анализировать работы Розанова, пробираясь сквозь лабиринты его субъективных мыслей, обрамленных в «расплавленный сверкающий металл» (М.О. Гершензон) его языка, весьма нелегко, хотя и увлекательно. Розанов — метафизический писатель. Он, по словам исследователя В.А. Фатеева, «говорит намеками, парадоксами, устремляется в глубины мистического, таинственного, невыразимого»⁴. Логика его странна и парадоксальна. И потому бывает непросто выделить главную мысль в «сложной славянской вязи» (А.С. Волжский) его рассуждений в объединенных одной темой работах. Иногда создается впечатление, что он противоречит себе даже на протяжении одной статьи. Своеобразие розановских работ о Лермонтове еще и в том, что он рассматривает его всегда в сопоставлении с другими писателями: с Пушкиным, Гоголем, Достоевским, Львом Толстым, — даже Некрасовым и Чеховым. Во всех своих работах лермонтовского цикла Розанов подчеркивает трансцендентное, мистическое, религиозное начало в творчестве поэта, трактуя его или в русле христианской традиции, или в рамках языческих и ветхозаветных верований как проявление мистической чувственности, «феномена пола», — в зависимости от своего собственного «текущего» мировоззрения. Василий Васильевич несколько раз неожиданно и резко менял свои взгляды: от христианства — к иудаизму и мифам Древнего Египта и Вавилона, от язычества — к Православию и Церкви⁵. «Когда идет речь о Розанове, — пишет В.А. Фатеев, — рушатся любые профессиональные или жанровые рамки. Это единственный в своем роде философ — журналист, мыслитель — художник, увлекающий нас динамизмом непредсказуемых поворотов фантазии, бурным всплеском непрерывно кипящей субъек-

³ Голубкова А. Литературная критика В.В. Розанова: опыт системного анализа. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. (Б-ка журнала «Энтелехия»).

⁴ Фатеев В.А. В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л.: Худож. лит., 1991. С. 9, 13.

⁵ «Он был вместителен настолько, что совмещать умел противоречия» (Э.Ф. Голлербах). Цит. по: Сукач В.Г. «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» (150 лет со дня рождения В.В. Розанова) // Наше наследие. 2006. №78.

тивной мысли»⁶. Но исследователь справедливо замечает, что «при всей очевидной гениальности Розанова его творчество вызывает порой противоречивые чувства. Его сочинения отражают как благородные порывы к Богу, к вечным истинам, так и глубокий душевный разлад»⁷. Метания, духовные поиски и соблазны Розанова оставили свой след и в его литературно-критических статьях о М.Ю. Лермонтове.

I

Благоговейной любовью Лермонтов стал для Розанова в самом раннем детстве: «Помню, как еще до поступления в гимназию и не зная, что такое “поэт” и “поэт Лермонтов”, я придумал к поразившему меня стихотворению напев и, бывало, уединившись в лес или сад, пел эту песню (“Три пальмы”), всегда с невыразимой грустью, как о живых и родных мне пальмах»⁸. Позже, уже в студенческие годы, Розанов, «“бастуя” от лекций греческого языка немца Шварца, выучил почти наизусть всего Лермонтова в университете»⁹. «Его любимым поэтом был Лермонтов, — вспоминал С.Н. Дурылин, друг и собеседник последних дней земной жизни философа. — Лермонтов был у него всегда на устах. Непрерывно читал его, отзывался изумительным потоком *своей* мысли, игравшим с высокою силою и красотою, которые и не снились “литераторам”»¹⁰. Обаяние личности и творчества «вечно рвущегося в небеса Лермонтова», осталось для мыслителя неизменным в течение всей жизни. Можно сказать, пользуясь розановским определением, что он постоянно «переживал»¹¹ «вещного» поэта. Уже в первом своем философском труде «О понимании» (1886) Розанов упоминает Лермонтова в одном ряду с Гоголем и Достоевским, причис-

⁶Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и прим. Фатеева В.А. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995 («Русский путь»). Кн. 1. С. 16.

⁷Фатеев В.А. Жизнеописание Василия Розанова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 4.

⁸Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 96. (Далее: *Розанов В.В. О писательстве и писателях...*)

⁹Розанов В.В. Домик Пушкина в Москве // Собрание сочинений. Среди художников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 343.

¹⁰Дурылин С.Н. В своем углу.... С. 207, 302, 831.

¹¹«Только то чтение удовлетворительно, когда книга переживается» (*Розанов В.В. Опавшие листья // Уединенное / сост. вступ. ст. и коммент. А.Н. Николюкина М.: Политиздат, 1990. С. 213. (Мыслители XX века). (Далее: Розанов В.В. Уединенное...*)

ляя его к художникам-психологам¹². Размышления о Лермонтове, его судьбе и творчестве, стихи поэта (часто в неточных, приведенных по памяти цитатах) постоянно встречаются в его книгах «Уединенное» (1912), «Сахарна» (1913), «Опавшие листья» (кн. 1–2, 1913–1915), «Мимолетное» (1915), «Последние листья» (1916). Он даже признает, что его эссеистические книги «вышли» из стихотворений Пушкина и Лермонтова как «мимолетных настроений» и отмечает: «Лермонтова “Выхожу один я на дорогу” и “Когда волнуется желтеющая нива” или “Я, Матерь Божия”, “Ветка Палестины” — суть великолепные “мимолетные”»¹³.

В первой¹⁴ большой работе о Лермонтове «Вечно печальная дуэль»¹⁵, написанной в 1898 году, Розанов предложил новую смелую концепцию происхождения нашей литературы не от Пушкина и Гоголя, а от Лермонтова, отводя ему роль родоначальника русской литературы послепушкинского периода. Статья была вызвана опубликованными воспоминаниями сына убийцы поэта¹⁶ о трагических событиях июля 1841 года. Как человек, обладавшей обостренной интуицией, Розанов сразу уловил, что «есть что-то темное и действительно тягостное для памяти всех окружающих людей в этой дуэли, но особенно темную тень “несносности” наложил на Лермонтова кн. Васильчиков»¹⁷. Поэтому, прежде

¹²Розанов В.В. Сочинения. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутренне-го строения науки как цельного знания / ИМЛИ РАН; ред. и коммент. В.Г. Сукача; вступ. ст. В.В. Бибихина. М.: Танаис, 1995. С. 462.

¹³Розанов В.В. Сахарна // Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1998. С. 260. (Далее: *Розанов В.В. Сахарна...*)

¹⁴Строго говоря, первая розановская работа, в которой большое внимание уделено поэзии Лермонтова, датируется 1895–1896 гг. Эта незавершенная статья «Христианство и язык» — единственное обращение Розанова к лингвистическим проблемам. В первой части работы на примере лингвистического анализа произведений Лермонтова «Мцыри», «Сказка для детей», «Это случилось в последние годы могучего Рима», прослеживая связь стихотворных размеров с сюжетом, Розанов показывает, что «между духом человеческим и словом, как формой его выражения есть некоторое соотношение, которое то связывает их... то их взаимно отталкивает». Работа впервые опубликована в 2006 г. (*Розанов В.В. Христианство и язык / публ. и прим. В.Г. Сукача // Энтелехия. 2006. №13. С. 102–119*).

¹⁵Часто определение «вечно печальная дуэль» приписывают В.В. Розанову, но принадлежит оно сыну Н.С. Мартынова, а Розанов только использовал его в названии, о чем он говорит в начале статьи.

¹⁶Мартынов С.Н. История дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым // Русское обозрение. 1898. №1. С. 313–326.

¹⁷Васильчиков Александр Илларионович (1818–1881) — князь, сын председателя Государственного совета и Комитета министров, секундант Лермонтова (?) на последней дуэли в Пятигорске. Его мемуары о поэте осторожны и полны противоречий. В частных беседах с историком

чем развивать мысль о печальных последствиях этой роковой дуэли для русской литературы, защищая личность поэта, он высказывает несколько очень интересных замечаний о бремени гения, которое делает личность великого человека непонятой и трагической: «Да, это участь гения, прежде всего, для него самого тягостная — быть несколько неуравновешенным. Поэт есть роза, и несет около себя неизбежные шипы; мы настаиваем, что острейшие из этих шипов вонзены в собственное его существо. <...> Но роза благоухает; она благоухает не для одного своего времени; и есть некоторая обязанность у пользующихся благоуханием сообразовать свое поведение с ее шипами. Поэт и всякий вообще духовный гений — есть дар великих, часто вековых, жиджительных усилий в росте поколений; его краткая жизнь, зримо огорчающая и часто незримо горькая, есть все-таки редкое и трудно созидаемое в истории миро, которое окружающая современность не должна расплескать до времени»¹⁸.

Это тонкое замечание пронизательного мыслителя очень важно, если учесть, что лермонтовское «миро» не только «расплескали до времени», но и оклеветали, а споры вокруг личности поэта не утихают и в наши дни. До конца 1850-х годов, несмотря на «педагогическое обаяние произведений Лермонтова» (И.Ф. Анненский), многие из которых были включены в школьные хрестоматии вскоре после его смерти, приводить жизнеописание поэта в прессе негласно запрещалось. Это было связано с тем, что дуэли в России были незаконны и в дореформенной печати писать не только о подробностях дуэли поэта с Мартыновым, но и о самом факте дуэли было нельзя. Дуэль Пушкина в этом случае является исключением. В лермонтовской же дуэли был замешан сын председателя Государственного совета И.В. Васильчикова, приближенного императора, поэтому сообщения о ней были нежелательны в прессе. Но попытки собрать хоть

М.И. Семевским и биографом Лермонтова П.А. Висковатовым по-разному объяснял обстоятельства поединка: выставлял себя сторонним наблюдателем, ответственность за гибель поэта возлагал на А.А. Столыпина (Монго) и кн. С.В. Трубецкого, о которых в более ранних своих показаниях умалчивал. До самой смерти Мартынова нигде не упоминал о том, что Лермонтов до *выстрела Мартынова* поднял свой пистолет вверх дулом, показывая свое нежелание стрелять, а Мартынов, по сути, убил безоружного человека. Хотя его роль в дуэли остается неясной, многие исследователи считают его «тайным врагом» поэта, подстрекавшим Мартынова (*Васильчиков А.И.* Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и дуэли его с Н.С. Мартыновым // *Русский архив.* 1872. №1. С. 206–213; М.Ю. Лермонтов: Энциклопедический словарь / МГОУ; гл. ред. И.А. Киселева. М.: Индрик, 2014. С. 593).

¹⁸*Розанов В.В.* «Вечно печальная дуэль» // *Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 288–289. (Далее: *Розанов В.В.* «Вечно печальная дуэль»...)*

какие-то биографические сведения о поэте предпринимались. Так, например, в 1845 году «Библиотека для воспитания» отмечала: «В ожидании более полных сведений, которые в скором времени должны быть доставлены, редакция отложила краткий очерк жизни [Лермонтова] до следующей книжки»¹⁹. Однако этот очерк так и не появился. За 15 лет, прошедших после смерти поэта, только несколько скупых упоминаний о его личности замечены в русской печати²⁰. Газета «С.-Петербургские ведомости» писала в 1856 году: «У нас нет не только биографии, но даже какого-нибудь известия о жизни Лермонтова...»²¹. Еще через три года, в 1859 году, В. Стоюнин отметил: «Биография его до сих пор никем не написана, а потому и обстоятельства его жизни нам очень мало известны»²². Вследствие этого негласного запрета взамен истинной биографии Лермонтова на страницах русской печати в 70-х годах XIX века стали появляться обывательские пересуды о его «невыносимом характере», и потомки получили уже искаженный образ поэта. Каждое неосторожное слово ставилось Лермонтову в укор. Современники словно мстили гению за то, что не сумели оценить его при жизни. Боевой генерал П.Х. Граббе, под командованием которого воевал поручик Лермонтов, писал в ответ на сообщение об убийстве поэта: «Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти»²³ (добавим — и после смерти тоже!). А.В. Дружинин, встретившись в Пятигорске в 1851 году с «преданным другом Лермонтова» Р.И. Дороховым (1801–1852), убедился, что «рядом с близорукими взглядами этих очевидцев идут отзывы другого рода, отзывы людей, гордившихся дружбой Лермонтова и выше всех других связей ценивших эту дружбу»²⁴. Но, к сожалению, слова Дружинина русская читающая публика не услышала и больше верила родственникам и поклонникам Н.С. Мартынова. Даже такие духовно чуткие

¹⁹ Библиотека для воспитания. 1845. Отд. 1. Ч. II. С. 1

²⁰ Библиотека для чтения. 1852. № 1. С. 119–120; Библиотека для чтения. 1852. №8. Отд. VI. С. 69; Кавказ, 1853. № 47; Московские ведомости. 1953. 13 июня. №71; Справочный энциклопедический словарь / под ред. А. Старчевского. Т. VII (Л – Мар). СПб., 1853; Пантеон. 1853. №9. С. 37–38.

²¹ С.-Петербургские ведомости. 1856. 16 июня.

²² Русская лирическая поэзия для девиц / ред. Вл. Стоюнина. СПб., 1859. С. 190.

²³ Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. С. 385. (Б-ка «Любителям российской словесности»).

²⁴ Дружинин А.В. Письмо иногороднего подписчика о русской журналистике (XXV) // Библиотека для чтения. 1852. №1. С. 119–120.

люди, как Ф.М. Достоевский²⁵, оказались под влиянием этих рассказов и считали, что *видимая для окружающих* жизнь поэта находилась в драматическом противоречии с религиозным духом его творений. Единственный же оставшийся в живых свидетель трагедии князь А.И. Васильчиков старался о гарантиях собственного обеления, поэтому его воспоминания являют собой, по выражению одного из первых биографов поэта П.К. Мартьянова, «длинный ряд искажения фактов, инсинуаций и макиавеллистических уязвлений покойного поэта»²⁶.

«Тягостный и страшный» итог «вечно печальной дуэли» и его драматические последствия для русской литературы были для В.В. Розанова на протяжении всей жизни мучительными темами. Он начал развивать их в своей первой статье о поэте: «Лермонтов мог бы присутствовать на открытии памятника Пушкину в Москве, рядом с седоволосым Тургеневым, плечом к плечу — с Достоевским, Островским. Будь это так, ни Тургенев, ни особенно Достоевский не удержали бы своего характера, и их литературная деятельность вытянулась бы в совершенно другую линию, по другому плану». И далее Розанов высказывает самую главную и важную, можно сказать, провидческую, мысль, которую он обосновывает на протяжении статьи: «В Лермонтове *срезана была самая кронка нашей литературы, общее — духовной жизни*, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук. В поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в суки»²⁷.

В русской критике XIX века стало традицией выводить всю последующую русскую литературу из «ясного, уравновешенного Пушкина» или из «натурализма» и «незримых слез» Гоголя. Мистик Розанов отдает предпочтение «глубокому и безостановочному мистику» Лермонтову, выводя из его творчества *всех гениев послепушкинского периода*: Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, ставших для русского общества духовными вождями. Чтобы представить, насколько эта концепция была оригинальна и необычна, кратко остановимся на *взглядах самих писателей* на творчество и личность Лермонтова.

²⁵На формирование у Ф.М. Достоевского негативного мнения о личности поэта оказал влияние философ Вл. Соловьев, для которого источником *намеренно ложных* сведений о поэте была *семья сына убийцы Лермонтова, Виктора Николаевича Мартынова* (1858–1915), в доме которого Вл. Соловьев был постоянным гостем.

²⁶*Мартьянов П.К.* Последние дни жизни М.Ю. Лермонтова / сост. и авт. предисл. Д.А. Алексеев. М.: Гелиос АРВ, 2008. С. 114.

²⁷*Розанов В.В.* «Вечно печальная дуэль»... С. 289.

Ф.М. Достоевский не только выводил себя «из Пушкина», но и утверждал, что вся плеяда беллетристов второй половины XIX века есть прямое порождение пушкинской поэзии. Кроме того, по словам В.В. Розанова, «Достоевский высказывает несомненную нелюбовь к Лермонтову»²⁸. Подтверждение слов Василия Васильевича можно найти в «Дневнике писателя», в аллюзиях в «Записках из подполья» и в главе «Поединок» романа «Бесы» при описании дуэли Ставрогина и Гаганова. Федор Михайлович прямо сопоставляет Ставрогина с декабристом Луниным, Печориным и самим Лермонтовым, замечая, что у Николая Всеволодовича «в злобе... выходил прогресс против Л<уни>на, даже против Лермонтова»²⁹. Последовательное нежелание Достоевского признавать значение для себя лермонтовского творчества просматривается на протяжении всей его жизни. Благоклонно Федор Михайлович отзывался только о «Песне про царя Ивана Васильевича...», неоконченной поэме «Сказка для детей» и о нескольких стихотворениях: «Бородино», «Пророк» и «Farewell / Прощай» — переводе из Байрона, который Достоевский ставил выше оригинала («Удивительные стихи! Куда выше Байрона!»). И лишь за полгода до своей смерти Достоевский сказал о поэте слова, полные искреннего признания: «Какое дарование!.. 25 лет не было, он уже пишет “Демона”. Да и все его стихи — словно нежная, чудесная музыка. Произносятся их, испытываешь даже как будто физическое наслаждение. А какой запас творческих образов, мыслей удивительных даже для мудреца»³⁰.

Н.В. Гоголь в статье «В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность», не умаляя таланта Лермонтова-прозаика, его поэзии вынес «прямолинейно-жесткий» (С.Н. Дурылин) приговор: «Ни одно стихотворение не выносилось в нем, не возлеялось чадолюбно и заботливо, не устоялось и не сосредоточилось в себе самом; самый стих не получил еще своей собственной твердой личности; повсюду — излишество и многоречие»³¹. Опровержению этого приговора С.Н. Дурылин посвятил свою книгу «Как работал Лермонтов», в которой путем глубокого и скрупулезного анализа черновики поэта показывал, «до чего неправ был Гоголь», судивший столь поверхностно. «Можно сказать наоборот, — пишет Сергей Николаевич, — ни одно стихотворение зрелого

²⁸ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 289.

²⁹ Достоевский Ф.М. Бесы // Полное собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 10. С. 165.

³⁰ Опочинин Е. Беседы о Достоевском // Звенья. [сборник] Т. 6. М.; Л., 1936. С. 470–471.

³¹ Гоголь Н.В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Полное собр. соч. [В 14 т.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. С. 402.

Лермонтова не обошлось без такого трудового вынашивания и долгой заботы. [Везде] видна эта бдительная работа зоркого художника. Его затворничество-ученичество [до 1837 года] беспримерно. Такого технического накопления сил, трудового наращивания мастерства не проходил ни один из русских поэтов — зато ни один и не дебютировал “Бородином” и “Калашниковым”: дебютировали “Гансом Кюхельгартенем” (Гоголь), “Парашей” (Тургенев), от коих отрекались впоследствии»³².

И только Л.Н. Толстой оценивал художественное наследие Лермонтова как важный этап в развитии русской литературы и не считал недостойным для себя признать лермонтовское влияние и назвать «Тамань» «совершенным произведением русской прозы», в котором «нет ни одной строчки, ни одной буквы лишней», («ничего, ни одной запятой нельзя ни убавить, ни прибавить»), а «Бородино» — «зерном» своего романа «Война и мир»³³. Лев Николаевич говорил Г.А. Русанову о Лермонтове в августе 1883 года: «Вот кого жаль, что рано так умер! Какие силы были у этого человека! Что бы сделать он мог! Он начал сразу как власть имеющий»³⁴.

Розанов отмечает, что русские читатели «общим инстинктом» угадали эту «мощь гения» Лермонтова и поставили поэта «сейчас за Пушкиным и почти впереди Гоголя». «С гимназических лет, как что-то заученное (но это не *заучено*), — пишет Розанов в небольшом эссе в “Мимолетном”, — мы повторяем: “Пушкин, Лермонтов, Гоголь” ... Гоголь — третьим. Лермонтов сейчас за Пушкиным, Лермонтов — второй поэт, вторая сила...»³⁵. Это несмотря на то, что «Лермонтов — даже неугадываем, как по “Бедным людям” нельзя было бы открыть творца “Карамазовых”, в “Детстве и отрочестве” — творца “Анны Карениной”, в “Миргороде” — автора “Мертвых душ”»³⁶. Похожую мысль высказывал С.Н. Дурылин: «Ранняя зорька Лермонтова потухла еще в тишине только что поднимающегося утра... И вот эта “ранняя зорька” — всего несколько минут

³² Дурылин С.Н. Как работал Лермонтов // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 465.

³³ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 501–504. Сергей Николаевич так комментирует этот разговор с Толстым: «Свидетельство Толстого о Лермонтове есть золотой венок на лермонтовскую могилу, такой венок Толстой возложил только на одну его раннюю могилу...».

³⁴ Там же. С. 502.

³⁵ Розанов В.В. Мимолетное // Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 300. (Далее: *Розанов В.В. Мимолетное...*)

³⁶ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 296.

света! — оказалась так ярка, что может светить и не меркнуть перед “полными сутками” света Толстого, перед “вечерними огнями” Фета и Тютчева!»³⁷.

Розанов постоянно обращает внимание на «необыкновенный», «сложный и глубокий» ум Лермонтова, называет поэта «феноменом нашей истории». В статье, посвященной В.Г. Белинскому, философ пишет, что «“Песня о купце Калашникове” Лермонтова *психологически зрелее* всех критических статей Белинского. Лермонтов, громадою ума своего и какою-то тайной души, был *опытнее, старше, зрелее* Белинского. Тут вовсе дело не в фактическом знании; а в какой-то способности посмотреть *на жизнь, взглянуть на людей*: и в момент понять в них *то*, что Белинский до гроба так и не понял, и не мог бы понять, проживи он хоть и до семидесяти лет»³⁸. По мысли философа, источником «громады ума» Лермонтова была его врожденная интуиция, необычайная духовная одаренность, которая позволяла поэту видеть суть вещей и людей. На эту же особенность лермонтовской личности указывал и славянофил Ю.Ф. Самарин, который близко знал Михаила Юрьевича в последний год его жизни: «Это в высшей степени артистическая натура, неуловимая и не поддающаяся никакому внешнему влиянию. Прежде чем вы подошли к нему, он вас уже понял: ничто не ускользает от него; взор его тяжел, и его трудно переносить. Он наделен большой пронизательной силой и читает в моем уме»³⁹. Культ Пушкина возник, по мнению Розанова, оттого, что «“серьезная” критика, или, точнее, *серьезничающая*, как-то стесняется признать особенное, огромное, и именно умственно-огромное значение в “27-летнем” Лермонтове, авторе ломаного “И скучно, и грустно”»⁴⁰. Для Розанова несомненно, что Пушкин «богаче, роскошнее, многодумнее и разнообразнее Лермонтова, точнее, — лермонтовских “27 лет”, но дело в том, — пишет философ, — что по *мощи гения* он несравненно превосходит Пушкина, не говоря о последующих»⁴¹. Розанов часто очень смело сравнивал Лермонтова с Пушкиным. Так, например, в «Мимолетном» он с характерной для него образностью и остротой замечает: «То, что *мы все чувствуем и в чем* заключается самая *суть*, — это то, что Лермонтов был *сильнее* Пушкина и, так сказать, “уроденнее, выше”. Более что-то аристократическое,

³⁷ Дурьлин С.Н. В своем углу... С. 173.

³⁸ Розанов В.В. В.Г. Белинский (К 100-летию со дня рождения) // Розанов В.В. О писательстве и писателях... С. 504–505.

³⁹ Самарин Ю.Ф. Из писем к И.С. Гагарину // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 383–385.

⁴⁰ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 289.

⁴¹ Там же. С. 295.

более что-то возвышенное, более божественное. В пленках “архиерей”, с пленок уже “помазанный”. Чудный дар. Чудное явление. Пушкин был немножко terre-a-terre⁴²... и мундир камер-юнкера, надетый на него какую-то насмешкой, выражает втайне очень глубоко и верно его terre-a-terg’ность. В Лермонтове это прямо невозможность. Он слишком “бог”, — и ни к Аполлону, ни к Аиду чин камер-юнкера неприложим...». «*Материя* Лермонтова была высшая, не наша, не земная»⁴³ — таков вывод Розанова. В этой «прихотливой вязи» можно уловить главную мысль, которую П.П. Перцов выразил очень кратко: «Пушкин эстетически совершеннее Лермонтова, но Лермонтов духовно — значительнее»⁴⁴. Так считали многие, а не только субъективный и увлекающийся Розанов. Писатель русского зарубежья Борис Зайцев, всю жизнь горячо любивший Пушкина — до обожания, признавал, что «религиозный уголь, пламеневший у Лермонтова везде, делает его гораздо глубже Байрона — к сожалению, даже Пушкина»⁴⁵. С.Н. Дурылин вообще говорит об «изначальной религиозности» Лермонтова — в отличие от Пушкина: «“Лицейские стихотворения” Пушкина — предварительные “игры Вакха и Киприды”. 14-летний мальчик, играет в них в стихах. К [ним] присоединяются столь же легкие “Игры Аполлона” — борьба с Шишковым, арзамасские набеги... Вот и все. Точно и не было глубокого, таинственного звездного неба над ним. Точно оно никогда своими звездами не заглядывало ему в глаза, — и не проникало в душу. А в эти же годы Лермонтов — уж думал свою звездную думу — уже вмешивался в [непримиримую] борьбу ангелов и демонов, уже решал свою загадку, общую с Платоном и Дантом, загаданную Богом и небом земле и человеку»⁴⁶.

Литературный критик Серебряного века С.А. Андреевский считал, что Пушкина и Лермонтова «нельзя сравнивать, как нельзя сравнивать сон и действительность, звездную ночь и яркий полдень»⁴⁷. Но вот ведь все сравнивают: от выдающихся мыслителей и критиков до рядовых читателей, на протяжении

⁴² Приземленный (фр.)

⁴³ Розанов В.В. Мимолетное... С. 301.

⁴⁴ Перцов П.П. Литературные афоризмы. (Лермонтов) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 216.

⁴⁵ Зайцев Б.К. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С. 74.

⁴⁶ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 208.

⁴⁷ Андреевский С.А. Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб: Изд-во РХГИ, 2002. С. 312. («Русский путь»).

170 лет. На эту особенность обращал внимание Георгий Адамович, отметив, что при таком сравнении «Пушкин остался богом, Лермонтов сделался другом». Несмотря на дерзкие выводы, которые делает, сопоставляя двух русских гениев, Розанов, для него Пушкин всегда на первом месте по значению для России, потому, что Пушкин есть «мера русского ума и души; мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным»⁴⁸. Он для философа — «вечный гений, — среди преходящих вещей»⁴⁹. И все-таки, по словам С.Н. Дурьлина, близко наблюдавшего Розанова в последний год его жизни в Сергиевом Посаде, он «к Пушкину был как-то почтительно и удивленно холоднее», чем к Лермонтову: «Да, горит в небе великолепный Сириус. Неподвижно, царственно. Но как далеко!»⁵⁰. Сергей Николаевич пытался понять, «почему Василий Васильевич так любил, так отвечал Лермонтову», и нашел разгадку в объединявшей их грусти. По определению В.О. Ключевского, «Лермонтов создал грусть как поэтическое настроение»⁵¹. «Розанов, — пишет Дурьлин, — несмотря на свой пылающий огонь рода, семьи и рождения, всегда был в облаке грусти, — и все книги его, — все в грусти... Бог капнул слезу грусти, [когда творил мир], можно не заметить этой слезы (миллионы не примечают), [они заметили] и стали на *то* место, куда капнула эта слеза»⁵². Их роднил Ангел печали.

«Пушкин дал нам отзвуки всемирной красоты и великой гармонии», но связь последующей литературы с ним, по мнению Розанова, «проблематична», оттого что «по структуре своего духа он обращен к *прошлому*, а не к будущему. Это — штиль вечера, которым закончился... прекрасный исторический день»⁵³. Пушкин, по мысли философа, поэт осени, а Лермонтов — весны. Герои Гоголя, Толстого, Достоевского — «люди богатой рефлексии и сильных страстей», а сами эти писатели — «*суть типично-“стихийные” души “пробуждающейся” весны*»⁵⁴. «[Пушкинское] эхо замерло, — замечает философ, — “весна” выросла в “лето”, довольно знойное: но она стала расти сюда именно от *Лер-*

⁴⁸Розанов В.В. Как святой Стефан порубил «Прокудливую березу» и как началось на Руси пьянство // Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 379.

⁴⁹Розанов В.В. А.С. Пушкин // Розанов В.В. О писательстве и писателях... С. 44.

⁵⁰Дурьлин С.Н. А своем углу... С. 679.

⁵¹Ключевский В.О. Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 434.

⁵²Дурьлин С.Н. А своем углу... С. 679.

⁵³Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 290.

⁵⁴Там же. С. 296.

монтова, вызвавшего струю “весеннего” пророчества, кончив [свое поприще] “Пророком”, оригинально нового построения, без “заимствования сюжета”»⁵⁵. Здесь Розанов обращает внимание на разницу между пушкинским и лермонтовским «Пророками», а не просто проговаривает спонтанно возникшую мысль, что у него часто встречается. Оба гения написали своих «Пророков» в 26-летнем возрасте, в их стихах очевиден смысловой библейский контекст. В торжественном, насыщенном славянизмами стихотворении Пушкина — ветхозаветная тема духовного прозрения для пророческой миссии (поэтическое переложение 6-й главы Книги пророка Исайи). Лермонтов не перелагает текст из Священного Писания, а пишет самостоятельное произведение, искусно сочетая библейский стиль с простотой слога и дополняя ветхозаветную тему новозаветными аллюзиями, раскрывая драматизм пророческого служения в мире: неизбежность гонения и непонимания, ибо «мир лежит во зле» (1 Ин 5:19). «В мире скорбны будете, но дерзайте, ибо Я победил мир» (Ин 16:33). Смирненное незлобие пророка, с которым он принимает унижение и поношение, избирая для общения с горным миром уединенное пустынножителство, являет победу «чистых учений любви и правды» над злом и враждой, обращающих скорбь в радость. «Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царствие Небесное» (Мф. 5:10). «Эту радость, вышедшую из великой печали, торжество обретенного ангельского лика завещал роду человеческому Лермонтов. В этом его вечное значение»⁵⁶, — писал философ и богослов русского зарубежья В.Н. Ильин. Именно в контексте евангельских аллюзий в лермонтовском «Пророке» прочитывается обращенность в будущее, — Розанов это почувствовал. Через 18 лет он назовет сборник стихов поэта «золотым Евангелищем русской литературы»⁵⁷.

Интересно розановское сравнение отношений Пушкина и всех последующих гениев к «слову созидания». В статье «Заметка о Пушкине» (1899) Розанов интерпретирует записанный П.В. Анненковым⁵⁸ забавный рассказ Гоголя о его первом посещении Пушкина, когда Николай Васильевич застал Пушкина в середине дня еще почивающим. «“Верно, всю ночь писал?” — спросил [лакея]

⁵⁵ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 296–297.

⁵⁶ Ильин В. Н. Грусть // Новое Слово (Берлин). 1941. 3 августа. №32(361). С. 5.

⁵⁷ Символично, что за несколько дней до смерти Лермонтов отмечает в своей записной книжке: «Россия вся... в будущем. Сказывается и сказка: Еруслан Лазаревич сидел сиднем 20 лет и спал крепко, но на 21-м году проснулся от тяжкого сна и встал и пошел... и встретил он тридцать семь королей и 70 богатырей и побил их и сел над ними царствовать... Такова Россия» (IV, 353).

⁵⁸ Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М.: Современник, 1984. («Любителям российской словесности»).

автор “Ганса Кюхельгартена”, — иронизирует Розанов. — “Нет, всю ночь играл в карты”. Гоголь всю бы ночь писал, как и Лермонтов»⁵⁹. Анализируя характерные отрывки из лермонтовского «Журналист, читатель и писатель», из воспоминаний о Достоевском и Толстом, философ делает вывод: «Пушкин — всегда среди друзей, он — *дружный* человек. Достоевский, Толстой, Лермонтов имеют только видимость знакомств. Т. е. “знать” Гоголя, как равно Лермонтова, Достоевского, — значило просто ничего не знать о них. <...> Душа их, свободная, вечно витала где-то. Они побывали в Дельфах и принесли нам существенно древнее, но вечно новое... языческое пророчество. Для одних простор, внешний, *почти пространственный простор*, есть требуемое и достигаемое условие созидания; для другого условием созидания служит внешнее и *почти пространственное же ограничение*»⁶⁰. На протяжении всей своей литературно-критической деятельности философ всегда подчеркивал «внутреннее родство» с поэтом Достоевского и Толстого, откликнувшихся на «его тревогу, которая вызвала чрезвычайно много новых “ритмов” в его творчестве, неведомых Пушкину»⁶¹. По мнению Розанова «эти *тревожные* писатели пробовали, каждый по-своему, начертать [России] закон и... *fatum* что ли, пророчество. *Динамическое* начало Руси — в них»⁶².

Экспрессивный Розанов пренебрегает точностью биографических дат и позволяет себе временные сдвиги (стихотворение «Выхожу один я на дорогу», написанное в 1841 году, после смерти Пушкина, он относит к началу 1830-х годов, чем вызывает саркастическую инвективу своего постоянного оппонента Вл. Соловьева, назвавшего философа «юродствующим литератором»⁶³). А чтобы усилить черты различия между «*terre-a-terg’ным*» Пушкиным и «нездешним» Лермонтовым прибегает к библейским образам: ночи Рождества Христова, ангельскому славословию, «дуброве Мамврийской». «Не в эту ли ночь, когда Пушкин играл в карты, — задается вопросом Василий Васильевич, — Лермон-

⁵⁹ Розанов В.В. Заметка о Пушкине // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского... С. 420.

⁶⁰ Розанов В.В. Заметка о Пушкине... С. 423.

⁶¹ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 291.

⁶² Розанов В.В. Ив. С. Тургенев (к 20-летию его смерти) // Розанов В.В. О писательстве и писателях... С. 139.

⁶³ Соловьев В.С. Особое чествование Пушкина. Письмо в редакцию <журнала «Вестник Европы»> // Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 300–310.

тов написал:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

Как хорошо. Почти — Вифлеемская ночь; да ведь почти и слышится “Слава в вышних Богу”⁶⁴:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно...
Жду ль чего? Жалею ли о чем?..

И посмотрите — “нет друзей”, “не надо друзей”:

Уж не жду от жизни⁶⁵ ничего я,
И не жаль мне прошлого⁶⁶ ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!..

<...>

Чтоб — всю ночь, весь день мой слух лелея —
Про любовь мне сладкий голос пел;
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Темный дуб склонялся и шумел, —

и еще лучше, если бы шумела целая “дуброва Мамврийская”», ⁶⁷ — замечает Розанов⁶⁸. Это одно из самых последних стихотворений Лермонтова, наполненное глубочайшим метафизическим смыслом, занимает особое место в его творческом наследии. Для Розанова строки этого стихотво-

⁶⁴ «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человеках благоволение» (Лк 2:13–14)

⁶⁵ Своей (прим. В.В. Розанова).

⁶⁶ Своего (прим. В.В. Розанова).

⁶⁷ «И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер, во время зноя дневного. Он возвёл очи свои, и взглянул, и вот, три мужа стоят против него» (Быт 18:1–2).

⁶⁸ Розанов В.В. Заметка о Пушкине... С. 422.

рения «многозначительно-простые и вечно понятные, выражающие вечно повторяющееся в человеке настроение»⁶⁹. Поэт, чувствуя великую гармонию мироздания, стоит у *своего* дуба Мамврийского, на пороге Вечности, готовясь к встрече с Богом. «Один» — глубоко символическое (лермонтовское) слово. По мнению С.Н. Дурьлина, это было «таинственное попечение “промысла литературы” о Лермонтове. Судьба — Промысл — хранила его одиночество. Она блюла железною рукою его самостоятельность, *инаковость*, самобытность. “Будь один!” — сказала она ему, и что сказала, то исполнила»⁷⁰. С одинокой молитвой, «молитвой русского человека» (А.М. Панченко) прошел поэт и свой последний «кремнистый» путь, поэтически изобразив в простых и величавых словах народный, мудрый и спокойный, взгляд на смерть. На отсутствие «страха и ужаса перед смертью», на чувство «безразличия к смерти» в конце молитвы, указывал святитель Николай Сербский как на признак «*истинной молитвы*»⁷¹.

Но я без страха жду довременный конец.
Давно пора мне мир увидеть новый...⁷²

По образному выражению В.Н. Ильина, «все стихотворение “Выхожу один я на дорогу” — есть, в сущности, *самоотпевание*»⁷³. На необычное сочетание в этом стихотворении жажды жизни с горечью утраты обращал внимание В.О. Ключевский: «Трудно найти в поэзии более поэтическое изображение духа, утратившего все, чем возбуждалась его деятельность, но сохранившего жажду самой деятельности»⁷⁴. Для поэта полнота духовных чувств — условие покоя, к которому он стремится, покидая «земную неволю»⁷⁵, оттого печаль его светла, как в церковных песнопениях, которые звучат не столько скорбно, сколько трогательно и торжественно: «Во блаженном успении *вечный покой* по-

⁶⁹ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 297.

⁷⁰ Дурьлин С.Н. В своем углу... С. 545–546.

⁷¹ Святитель Николай Сербский. Мысли о добре и зле. Мн: Свято-Елисаветинский монастырь, 2005. С. 189.

⁷² Лермонтов М.Ю. Собр. соч. в 4 т. М.: Наука, 1979–1881. Т. 1. С. 384. (Далее: № тома с указанием страниц).

⁷³ Ильин В.Н. Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов) // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов... С. 23.

⁷⁴ Ключевский В.О. Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова... С. 437.

⁷⁵ «Душа моя должна прожить в земной неволе / Не долго...» (I, 277).

даждь, Господи... идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная».

По мысли Розанова, Лермонтов недостижим для других писателей по «мощи гения» потому, что «он знал тайну выхода из природы — в Бога, из “стихий” к небу, имел ключ той “гармонии”, о которой вечно и смутно говорил Достоевский, не найдя для нее слов и образов. Ибо “когда волнуется желтеющая нива” есть собственно заключительный аккорд к страшному, истинно “стихийному”, предсмертному сну Свидригайлова, когда ему мерещились: “цветы, цветы, везде стояли цветы... гроб, 14-летняя девочка-самоубийца”»⁷⁶. Розанов внимательно всматривается в наиболее яркие произведения трех писателей (Гоголя, Достоевского, Толстого), «ловит роднящие черточки: связь сердца, тревожащих сомнений» и приходит к выводу, что только «Бедных людей» можно вывести из «Шинели» Н.В. Гоголя: «[Все же] особенное, новое, характерное у Ф.М. Достоевского: “карамазовщина”, размышления Раскольников, порывы Свидригайлова, судьба Сони Мармеладовой, и вся “бесовщина”, включительно до “Легенды об инквизиторе”, — [роднит его с Лермонтовым]»⁷⁷. А истоки «темы всего Достоевского в религиозной части его движения» Розанов видит в строках Лермонтова:

Дам тебе я на дорогу
Образок святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой...
I, 404

Этот лермонтовский «образок святой», по мнению мыслителя, «совал Достоевский растерянному, нигилистическому... юному русскому обществу»⁷⁸. Здесь надо отметить особое отношение Розанова к «Казачьей колыбельной песне» Лермонтова⁷⁹, в которой он видел «универсальное материнство»⁸⁰, «эм-

⁷⁶Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 294.

⁷⁷Там же. С. 290.

⁷⁸Там же. С. 293.

⁷⁹«Его любимым стихотворением была “Казачья колыбельная песня”. Не могло и быть иначе. Он сам — всеми своими томами, листочками, письмами и помышлениями, кровинками — только одно и делал всю жизнь: пел колыбельную песню бытию и человеческому роду...» (Дурьлин С.Н. В своем углу... С. 831–832.)

⁸⁰Розанов В.В. Из седой древности // Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 381.

брион всех кистей Рафаэля, всех его образов, понятий, чувств» и сравнивал ее с египетским рисунком, изображавшим «теленочка с коровой»: «И никто, никто, никто и доселе, до наших времен, не смог от образа этой песни и от этого изображения египетского подвинуться ни вправо, ни влево, ни назад, ни вперед. Ни в ощущении материнства, ни в тоне и мелодии Колыбельной песни»⁸¹.

В отношении Достоевского розановская концепция нашла отклик у многих мыслителей и критиков. Вяч. Иванов писал в 1916 году в своей большой работе «Борозды и межи»: «Гоголь мог воздействовать на Достоевского только в эпоху “Бедных людей”. Напротив, роман Лермонтова, с его мастерской пластикой глубоко задуманного характера, с его идейною многозначительностью и зорким подходом к духовным проблемам современности, не мог не быть одним из определяющих этапов в развитии русского романа до тех высот трагедии духа, на какие вознес его Достоевский»⁸². Эта точка зрения осталась у В.И. Иванова неизменной и через 30 лет: «Хотя Лермонтов не оставил после себя школы, это не помешало главному протагонисту его прозаического шедевра вновь воплотиться в образе — правда, сильнее рефлектирующего и страшного — Ставрогина»⁸³. На то, что Достоевский и Толстой своим тонким психологизмом обязаны Лермонтову более, чем Пушкину, обращал внимание и С.Н. Дурьлин: «Их романы и повести теснее примыкают к “Герою нашего времени”, чем к повестям Пушкина. Особенно близка здесь связь с Лермонтовым у Л.Н. Толстого: его “история души человеческой” в трех фазах ее развития была бы невозможна в русской литературе до появления лермонтовского психологического романа»⁸⁴. Несколько раз к этой теме Сергей Николаевич обращается и в дневнике «В своем углу», подчеркивая, что «“Достоевского” в Лермонтове невозможно не почувствовать: чего стоит один “Лугин” и Ставрогин — тот же Печорин. До мелочей то же»⁸⁵. Для А.Ф. Лосева Лермонтов и Достоевский не только «конгениальны как романисты», но в их творчестве он видел и «общие стилистические тенденции»⁸⁶, предполагая, что «в 60-е годы XIX века Лермонтов

⁸¹ *Розанов В.В.* Первая колыбельная песня на земле // *Розанов В.В.* В мире неясного и нерешенного... С. 423.

⁸² *Иванов Вячеслав.* Достоевский и роман-трагедия // *Борозды и межи.* Опыты эстетические и критические. М.: Мусагет, 1916. С. 17–18.

⁸³ *Иванов Вячеслав.* Лермонтов // *Фаталист.* Зарубежная Россия и Лермонтов... С. 146.

⁸⁴ *Дурьлин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., доп. / подгот. А.А. Аникиным. М.: Мультиратура, 2006. С. 25. («Классический комментарий»).

⁸⁵ *Дурьлин С.Н.* В своем углу... С. 531.

⁸⁶ *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А. Ф. Лосева. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007.

стал бы Достоевским»⁸⁷. В.Н. Ильин, говоря, что «лермонтовская проза, быть может, самая совершенная в русской литературе и одна из самых совершенных в мире», отмечал при этом: «Невидимые нити связывают его [Лермонтова] с Достоевским»⁸⁸.

Следует подчеркнуть, что так смотрели на «внутреннее родство» Достоевского и Лермонтова большинство мыслителей и критиков. Трудно сказать, согласился бы сам Фёдор Михайлович признать себя наследником писателя, к которому он относился довольно холодно, если не считать приведенных выше неожиданных слов признания, сказанных им незадолго до кончины.

Глубокое родство Лермонтова Розанов видел и со Львом Толстым. Прослеживая их связь, философ замечает, что «ни у Гоголя, ни у Пушкина нет никаких зачатков размышлений раненного на Аустерлицком поле князя Болконского, истинно “стихийной” игры и сплетения страстей у Анны Карениной; ни тревог автора в “Смерти Ивана Ильича” и “Крейцеровой сонате”, т.е. ничего именно типического и оригинального у Толстого. Напротив, эти писатели (Достоевский, Толстой, Гоголь. — *С.Т.*) искаженно и частью грязно, “пойдя в сук”, раскрыли собою лежавшие в [Лермонтове] эмбрионы»⁸⁹. Но и сугубо положительные герои Льва Толстого, по мнению философа, — от Лермонтова. В «Уединенном» он с удовлетворением заметил, что «победа Платона Каратаева — это победа Максима Максимовича над Печориным. Толстой всю жизнь положил на “Максима Максимовича”. (Ник. Ростов, артиллерист Тушин, Пл. Каратаев, философия Пьера Безухова...)»⁹⁰.

Особо обращая внимание на высочайшее писательское мастерство Лермонтова-стилиста, Розанов отмечает, что «величие гения заключается в силе; а сила достаточно определяется немногими страницами, одной “вещью”. Такой прелести, как “Тамань”, — ни одной нет у Толстого, — пишет философ. — Сложнее, больше, интереснее, — конечно, есть: но это не решает вопроса о *качестве и силе*. Но не только “Тамань”, но и еще “Штос” так изумительны по *форме, по стилю*»⁹¹, — что ни одно произведение и ни одна отдельная страница

⁸⁷ *Бибихин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 81–84.

⁸⁸ *Ильин В.Н.* Грусть... С. 5.

⁸⁹ *Розанов В.В.* «Вечно печальная дуэль»... С. 291.

⁹⁰ *Розанов В.В.* Уединенное... С. 49.

⁹¹ «Стиль есть то, куда поцеловал Бог вещь» (Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Уединенное... С. 366.)

у Толстого не сравнится с ними»⁹². А «Песнь о купце Калашникове», по Розанову, «не меньше “Войны и мира”». Ну, так же полно, так же до глубины, так же страшно реально живет целая эпоха, и какая от нас дальняя, в стихотворении в 10 страниц... Вот это — сила. Тут огромности гения нет пределов... “Это — божественно”»⁹³. По мнению Розанова, эту мощь гения Лермонтова читатель не может не почувствовать: «Прочитав “1-е января” — вскочишь. У Лермонтова была такая *сила*, что, “выпади случай” — и он мог бы в неделю поднять страну. Просто — вскочили бы и побежали; у всех затуманились бы головы»⁹⁴. Понимая, что он озадачил читателя, Розанов поясняет, что Толстой жил в более сложное время: «“Русский мир” бесконечно вырос и писатель вобрал в себя всю эту сложность жизни; и творчество его, по *сюжетам, по темам* заливает сюжеты Гоголя, Лермонтова, Пушкина, как те *красотою слова* заливают Толстого. Вот разница, происхождение и связь»⁹⁵. То есть, по мнению Розанова, Толстой, будучи наследником Лермонтова в психологизме, как стилист не смог подняться до высот лермонтовской прозы. В отношении «Тамани» с Розановым невозможно не согласиться. Эта небольшая повесть представляет собой «цельный музыкальный аккорд» (Д.В. Григорович), пленяя такой отточенностью и красотой стиля, что трудно найти русского писателя, который не восхищался бы «Таманью» и не видел бы в ней совершенный *образец* прозаического произведения.

Розанов указывает, что эстетическое и художественное восприятие мира Лермонтовым отразилось в существенно новой природе его образов: «Он весь рассыпается в скульптуры; скульптурность, изобразительность его созданий *не* имеет равного себе, и, может быть, не в одной нашей литературе»⁹⁶. Свои слова мыслитель подтверждает примером из неоконченного стихотворения Лермонтова «Это случилось в последние годы могучего Рима...», которое вызывает у него ассоциации со скульптурами великого грека Фидия: «Это что-то фидиасовское в словах, по полноте очерка, по обилию движения»⁹⁷:

Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
Сердце твое, равнодушное к прелестям мира! Как часто
Дряхлые старцы, любуясь на белые плечи, волнистые кудри,

⁹²Розанов В.В. Забытое возле Толстого... // Розанов В.В. О писательстве и писателях... С. 471.

⁹³Там же. С. 472.

⁹⁴Там же. С. 471.

⁹⁵Там же. С. 472.

⁹⁶Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 296.

⁹⁷Там же. С. 297.

На темные очи ее, молодели, и юноши страстным
Взором ее провожали, когда, напевая простую
Песню, амфору держа над головой, осторожно тропинкой
К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске
Перед домашним порогом подруг побеждала искусством,
Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая...

«Подобным же образом “резал на стали” только Гоголь и только в самых зрелых, уже поздних своих созданиях; но он “резал” *принижая*, — подчеркивает Розанов и обращает внимание на параллелизм между Гоголем и Лермонтовым. — Это — зенит и надир, высшая и низшая точки “круга небесного”. Среди решительно всех созданий Лермонтова нет ни одного “с пятнышком”; у Гоголя почти вся словесность есть сплошной “лишай”, “кора проказы”, покрывающая человека»⁹⁸.

Кроме «скульптурности», по мнению философа, «мощь гения» Лермонтова — в «*универсальности*» его творчества: «Он воссоздавал какие-то “универсальные образы”, *вечные* типы человека, природы, отношений, положений, но — в противоположность Гоголю — “зенитные”, над *нами* поставленные»⁹⁹. Для подтверждения «над нами» поставленных образов Розанов обращается к стихотворению «Сон»: «Это какая-то после-смертная телепатия; связь снов, когда люди не видят друг друга, и когда один даже уснул “вечным сном”»¹⁰⁰. Владимир Соловьев метко назвал «Сон» Лермонтова «“сновидением в кубе”, не имеющим ничего подобного во всемирной поэзии»¹⁰¹. И Розанов, кроме «удивительной красоты стиха» отмечает «совершенную оригинальность, новизну в замысле»¹⁰². Это одно из последних стихотворений, где поэт «до мелочей описывает образ своей смерти», философ вспоминает в другой статье: «Домик Лермонтова в Пятигорске» (1908), называя его «чудесным феноменом, которому веришь потому только, что осязаешь его. Это есть чудо: ибо “случай” так подробно не совпадают. По одному этому стихотворению называешь поэта “другом Небес”, угадываешь, что его посетило Небо»¹⁰³. По мнению Розанова, та-

⁹⁸ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 297.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Соловьев В.С. Лермонтов // Философия искусства и литературная критика... С. 379–399.

¹⁰² Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 297.

¹⁰³ Розанов В.В. Домик Лермонтова в Пятигорске // Розанов В.В. О писательстве и писателях... С. 275.

ких строк Пушкин не мог написать, потому что «не знал этой тайны существенно новых слов»¹⁰⁴. Кроме того, у Пушкина было иное, нежели у Лермонтова, отношение к смерти: «Природа у него существенно минеральна. <...> Пушкин [после смерти] сливается с “равнодушной природой”; “красная глина” преобладает над “дыханием Божиим”. У Лермонтова природа существенно жизненна. Идея “смерти” как “небытия”, вовсе у него отсутствует. Смерть только открывает для него “новый мир”, с ласками и очарованиями почти здешнего»¹⁰⁵. Эту мысль Розанова о лермонтовском отношении к смерти развил П.П. Перцов¹⁰⁶ в своих «Литературных афоризмах»: «Лермонтов — лучшее удостоверение человеческого бессмертия... У него не только нет страха смерти, но нет даже мысли о ней — *никакого* ее чувства. “Смерть, где жало твое?” Чувство жизни — *Вечной Жизни*, — и отсюда полное равнодушие к “переходу”. Никакой зависти и тоски по земному... Это — поэт Воскресения, христианин насквозь, хотя он ничего не говорит о Христе»¹⁰⁷.

Несмотря на то что статья «Вечно печальная дуэль» написана в начале декадентского периода, периода пробуждения интереса Розанова к иудаизму и язычеству, творчество Лермонтова и его религиозность рассматривались в ней в рамках христианской традиции; языческие, антихристианские работы розановского лермонтовского цикла появились вскоре после этой первой большой статьи о поэте.

II

Конец 1890-х и начало 1900-х годов отмечены в жизни и творчестве В.В. Розанова вниманием к иудаизму, язычеству, острой критикой христианства и Церкви. В.А. Фатеев пишет, что «изменения во взглядах Розанова настолько непостижимы, алогичны, что их почти невозможно предвидеть и тем более всесторонне объяснить, осудить или оправдать»¹⁰⁸. В это время Розанов сближается с символистами (с Д.С. Мережковским и его окружением), сотрудничает в декадентском журнале С.П. Дягилева и А.Н. Бенуа «Мир искусства». Мережковский был в этот период погружен в идею «Церкви Третьего Завета» и «нового религиозного сознания» («некоего вселенского неохристианства»), создав

¹⁰⁴Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 298.

¹⁰⁵Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль»... С. 298.

¹⁰⁶П.П. Перцов в 1910-х годах опубликовал несколько статей о Лермонтове, в основном в газете «Новое время». Эти статьи высоко ценили Розанов и Дурылин, мечтавший об издании их отдельной книгой, «как лучшего, что о Лермонтове написано», но они до сих пор не переизданы.

¹⁰⁷Перцов П.П. Литературные афоризмы... С. 212–236.

¹⁰⁸Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика... С. 11.

совместно в З. Гиппиус и Дм. Философовым религиозное «троебратство», которое совершало в домашних условиях подобие малого «богослужения», внося изменения в церковные догматы и обряды. Эти «богоискатели», в определенной мере, повлияли на отход Розанова от христианства и Церкви. Сам философ объясняет в «Опавших листьях» свой поворот так: «Все выросло из одной боли, все выросло из одной точки. Тут моя семейная история¹⁰⁹ и вообще все отношение к “другу” [жене] и сыграло роль. <...> Личное перелилось в универсальное»¹¹⁰. Остро переживая за судьбу своих детей, которые считались незаконнорожденными, а значит «по закону ни пенсии, ни фамилии, ничего не получают», Розанов упрекает Церковь, поставившую, по его мнению, закон выше милосердия, в равнодушии и нежелании помочь его семье. Конечно, Василий Васильевич был «глубоко, болезненно ранен» (Е. Поселянин) этой драматической ситуацией. Размышления о проблемах христианского брака привели его к своим темам: теме семьи и брака и теме пола. Пол и его тайны — главный нерв всей религиозной метафизики Розанова; радость брака, защита семьи стали главным предметом его сочинений на долгие годы.

Розанов — глубоко религиозная натура. «Что бы я не делал, что бы не говорил или писал, прямо или косвенно, я говорил и думал собственно только о Боге: так что Он занял всего меня, без какого-либо остатка, в то же время как-то оставив мысль свободною и энергичною в отношении других тем»¹¹¹. «Розанов утверждал пол именно как соединение плоти и духа, — отмечает В.А. Фатеев, — поэтому у него высшие начала духа не отрываются от тварной природы, от плоти мира. Бог и пол у Розанова неразрывны. Утверждая святость семьи, Розанов отстаивает брак как реальное, а не формальное таинство, с признанием лежащего в его основе пола. Идеалу брака и семьи Розанов противопоставляет идеал монашеского аскетизма. В современном мире, считает Розанов, гармоническое единство плоти и духа, Бога и мира нарушено»¹¹². По мысли философа,

¹⁰⁹ Василию Васильевичу отказала в разводе его первая жена, сама ушедшая от него — А.П. Сушлова. (Эта женщина была возлюбленной Ф.М. Достоевского, осложнила она жизнь и Розанову.) Он тайно венчался с В.Д. Бутягиной, брак был счастливым, но считался гражданским (по церковным понятиям — блудом), а дети — незаконнорожденными, а значит не имеющими прав законных детей. Развод Розанова был признан только на Поместном Соборе 1917–1918 года, за год до смерти мыслителя.

¹¹⁰ *Розанов В.В.* Опавшие листья. Короб второй и последний // *Розанов В.В.* Уединенное. М., 1990. С. 341.

¹¹¹ *Розанов В.В.* Автобиография (1909). Цит. по: *Сукач В.Г.* «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» (150 лет со дня рождения В.В. Розанова)...

¹¹² *Фатеев В.А.* Публицист с душой метафизика и мистика... С. 7–8.

«миры иные» касаются человека именно через пол. Рождение младенца он всегда считал чудом — для него это связь нашего мира с миром трансцендентным. В частном письме к А.А. Александрову (январь 1898 г.) Розанов дает такой комментарий к своей новой теме: «Дело все в том, что, как я открыл... через исследование своих родных писателей — Гог<оля>, Лер<монтова>, Дост<оевского>, Толст<ого> — половое чувство как-то связано с религиозным мистицизмом. Это... прямо Перст Божий: но я догадался, что узел этого — в младенце, который правда “с того света приходит”, “от Бога его душа ниспадает”; и дело в том, что *пол*, о коем мы ничего не постигаем, есть в самом деле, как бы *частица “того света”*»¹¹³.

Все эти исследования в области «феномена пола» вызвали глубокий и мучительный конфликт Розанова с Церковью. Многие современники Розанова отмечали, что, несмотря на «однобокость» розановской критики христианства, «больные места в официальной церкви он вскрывал с поразительной глубиной» (В.В. Свенцицкий). «Но Розанов — человек крайностей, доводящий каждую исследуемую проблему до логического конца» (В.А. Фатеев). В результате стихийный, увлекающийся мыслитель вооружается против христианства всей силой своего великого таланта, называет его скопческой религией, религией смерти, враждебной жизни и человеческим радостям, и противопоставляет ему язычество Древнего Египта и Вавилона, ветхозаветную религию плодородия и семьи, позиционируя себя откровенным язычником, прославив новым Юлианом Отступником. Но, как пронизательно заметил один из его критиков А.К. Закржевский, «Розанов язычник в христианстве — и в этом его особенность, в этом же и его трагедия. Он не может выйти за пределы христианства. Он не может отвергнуть Христа, окончательно отречься от Него во имя пола и семьи... Язычество и христианство в Розанове слиты неотделимо, это два мира, два полюса его души. Это настоящий религиозный человек, и именно благодаря этому — особенно опасный для христианства»¹¹⁴.

Розанов ищет в этот тяжелый для его души период единомышленников среди любимых писателей и обращается к Лермонтову и Достоевскому, пытается отыскать в их творчестве близкие ему настроения и темы. Теперь произведения Лермонтова он рассматривает в контексте религиозной природы пола и онтологической сущности языческой культуры Древнего Египта и ветхозаветного

¹¹³Розанов В.В. Русский Нил / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Сукача. М.: Нобель Пресс, 2011. С. 5.

¹¹⁴Закржевский А.К. Религия. Психология параллели. В.В. Розанов // В.В. Розанов: pro et contra... Кн. 2. С. 149.

Израиля, посвятив этим вопросам цикл статей. По мнению Розанова, «мысль, гений, всякие прозрения философские лучатся из пола». Он считал, что «внутренняя природа пола, распадение всего “живого” в “мужское” и “женское”, в черты “материнства” и “отчества” может быть раскрыта через внимательное изучение мышления и поэзии немногих людей, сюда особенно внимавших»¹¹⁵. «Особенно внимавшие» — это Лермонтов, Достоевский и Толстой. «Все эти писатели, которых внимание так постоянно приковано к началу, зиждущему в мире жизнь — мистичны, трансцендентны, религиозны»¹¹⁶. Особенность лермонтовской стихийности философ теперь видит во взаимосвязи ее с мистической чувственностью, а «универсальность его образов» — в преобразовании поэтом «этих таинственных “мгновений” почти до размеров целой вселенной»¹¹⁷.

В статье «Из загадок человеческой природы» (1898) философ предпринимает попытку объяснить творчество поэта исходя из своей идеи «трансцендентной, мистической, религиозной природы рождающих глубин человека». По Розанову, «идентичность души и пола» — это «ключ к загадочной душе поэта»: «И вот посмотрите, вечная-вечная его мечта, тема в сущности всех его дивных созданий, от “Демона” и до “Даров Терека”, “Ночевала тучка”, “Три пальмы”, да всех без исключения, если присмотреться внимательно:

у корня чинары высокой
Приюта он просит...

Это моление, в сущности, его вечная тема»¹¹⁸. «Достоевский, — менее поэтично, более грубо и реально, в сущности, вечно рисует вечную же тему Лермонтова: тот же старый “дубовый листок у корня юной чинары”; и назвал это “карамазовщиною»»¹¹⁹. Для Розанова же — это «священный корень бытия». Анализируя незаконченные произведения: «Сказка для детей», «Это случилось в последние годы могучего Рима...» (заметим: любимые вещи Лермонтова у Достоевского) и сон Свидригайлова из «Преступления и наказания», Розанов отмечает «полное единство рисунка у Лермонтова и Достоевского при совершен-

¹¹⁵Розанов В. Из загадок человеческой природы // Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 29–30.

¹¹⁶Там же. С. 37.

¹¹⁷Розанов В.В. Из седой древности // Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 363.

¹¹⁸Розанов В.В. Из загадок человеческой природы... С. 30.

¹¹⁹Там же. С. 36.

ной независимости у обоих мистиков, оригинальности и *первичности* замысла»: «Здесь, в этой картине и в психологии великого поэта и знаменитого художника, к одному манящихся, мы имеем узел двух нитей, из коих одна казалось бы падает в бездну, другая — уходит в небо»¹²⁰. Связь чувственности и гения Розанов видит в том, что тем «глубже человек уходит в мир владычественных ноуменов¹²¹, чем более могучие крылья поднимают его в “горня”»¹²². По мысли Розанова, «факт полового притяжения, на двух, несродно рисуемых картинах, обобщается в том, что [и у Лермонтова, и у Достоевского] *это есть религиозное, теистическое притяжение, и изумительное владычество молитвы над грехом, чистоты над смрадом*»¹²³, оттого на дне всех своих рассуждений философ находит молитву, лермонтовского «Ангела» и перекликающиеся с ним слова старца Зосимы о «живой связи нашей с миром иным, с миром горним и высшим».

Розанов неустанно ищет в поэзии Лермонтова подтверждения своих идей, приписывая ему свои взгляды, тем самым мифологизируя поэта. В статье «Величайшая минута истории» (1900), он называет стихотворение «Когда волнуется желтеющая нива» «странным» и высказывает предположение, что речь в последней строке идет не об Иисусе Христе. «Если бы поэта попросили исправить “и в небесах я вижу Иисуса Христа”, — замечает Розанов, — то эта поправка была бы совершенно неверной относительно *состояния его души и предмета стихотворения*»¹²⁴. Называя звезды «точкой касания перстов Божиих», он пишет: «*О звездном небе* ничего нет в Евангелии, и это не есть евангелическая часть нашего теизма. Между тем трепет к *звездам* есть непреходящая часть религий Фив и Вавилона. Верю, верю с поэтом:

Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит.

¹²⁰ Розанов В.В. Из загадок человеческой природы... С. 33.

¹²¹ «Фигура человека, “по образу Божию, по подобию”, имеет в себе как бы внутреннюю ввернутость и внешнюю вывернутость — в двух расходящихся направлениях. Одна образует в ней феноменальное лицо, обращенное по сю сторону, в мире “явлений”; другая образует лицо ноуменальное, уходящее в “тот” мир. (Там же. С. 38.)

¹²² Там же. С. 38.

¹²³ Там же. С. 34.

¹²⁴ Розанов В.В. Величайшая минута истории / Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николукина. М.: Республика, 1995. С. 342.

Т.е. верю жизни небес, что они — живут, что они “очи спереди и сзади, и внутри и снаружи божества”, как их описывал в тайносказании Иезекииль»¹²⁵. Указывая на отношение Лермонтова к звездам как живым существам, философ делает вывод, что поэт относился к звездам «характерно по-халдейски»:

Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним.

В представлении Розанова-язычника, вся поэзия Лермонтова — это «единственная иллюстрация во всемирной литературе к древним халдейским культам»: «Лермонтов вечно пел о звездах, это — характерно звездный поэт, и в то же время он вечно пел о любви, это есть характерно любовный поэт. Древние, назвав вечернюю звезду [Венеру] — любовью, а любовь — именем вечерней звезды, и сделали этот характерный лермонтовский шаг, этот оборот мысли, этот поворот души»¹²⁶. Увлекаясь, Розанов делает сравнения по меньшей мере странные, видя в таких знаковых православных произведениях поэта, как «Казачья колыбельная песня» и «Молитва странника», халдейскую «идеализацию материнства и детства»¹²⁷.

В статье «К лекции г. Вл. Соловьёва об Антихристе» (1900) Розанов дерзко доводит до крайности свою трактовку религиозного мировоззрения Лермонтова. Он уже не видит в стихотворении «Выхожу один я на дорогу» Вифлеемской ночи, не слышит пения ангелов, а намеренно мистифицируя и эпатуируя читателя, называет стихотворение «антихристовой песней», написав «богу» с маленькой буквы. Как и в статье «Заметка о Пушкине», философ сдвигает временные рамки и датирует стихотворение, написанное поэтом за две недели до смерти, юнкерским периодом: «Бедный мальчик... в каком-то странном смятении, “ждет” еще “бога” и “жалеет” об оставляемом “Боге”. Ведь смысл стихов, неясный и автору, именно таков»¹²⁸. В отличие от «автора» философу ясно, что и в стихотворении «Когда волнуется желтеющая нива» также «очевидно, что [по-

¹²⁵Розанов В.В. Величайшая минута истории... С. 347.

¹²⁶Розанов В.В. Из восточных мотивов // Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 179. (Далее: *Розанов В.В. Из восточных мотивов...*)

¹²⁷Там же.

¹²⁸Розанов В.В. К лекции г. Вл. Соловьёва об Антихристе // Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 101.

эт] видит в небе не “распятого же за ны при Понтийском Пилате”». В герое лермонтовской поэмы и в том, кто предстает перед смиренно-просветленным взором поэта, созерцающего гармонию и красоту Божиего мира, Розанов видит один «загадочный мифологический образ». «Дело в том, — пишет он, настойчиво подводя лермонтовские тексты под свою концепцию, несмотря на их явное сопротивление такой вероломной трактовке, — что Лермонтов всю жизнь тревожился обонянием какого-то “еще бога”, самый ранний абрис которого он называл “демоном”, а позднее, любя то же самое, изображая все ту же самую тему, стал называть его “богом” и начал умиляться»¹²⁹.

Философ не хочет замечать слов самого поэта из неоконченного романа «Вадим»: «Где есть демон, там нет Бога» (IV, 31). Ангельский и демонский миры присутствуют в «таинственно оживленном мире лермонтовской поэзии» (Вяч. Иванов) с самого раннего периода его творчества. Но характерно также и то, что поэт очень рано начал понимать природу демонических наваждений и *их опасность*, «недаром звали его *Михаилом Юрьевичем*», — остроумно замечает В.Н. Ильин, имея в виду победителей демонов: Михаила Архистратига и Георгия Победоносца¹³⁰. Уже ранняя лирика Лермонтова дает представление о напряженной внутренней борьбе двух начал в его душе и стремительном духовном росте.

Есть демон, сокрушитель благ земных,
Он радость нам дарит на краткий миг,
Чтобы удар судьбы сразил скорей.
Враг истины, враг неба и людей,
Наш слабый дух ожесточает он,
Пока страданья не умчат, как сон,
Все, что мы в жизни ценим только раз,
Все, что ему еще завидно в нас!..
1832. II, 206

В.И. Сиротин справедливо отмечает, что еще мальчиком «поэт проник в *суть диалектического противостояния добра и зла*. По содержанию его твор-

¹²⁹ Розанов В.В. К лекции г. Вл. Соловьёва об Антихристе... С. 102.

¹³⁰ Ильин В.Н. Тайновидение у Пушкина и Лермонтова // Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение» / сост. А.П. Козырев. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 323–348.

чество взрослое с самого начала»¹³¹. Читая стихотворение 17-летнего поэта «1831-го 11 дня», носящее автобиографический характер, невольно вспомнишь слова Ф.М. Достоевского о «мыслях удивительных даже для мудреца».

Есть время — леденеет быстрый ум.
Есть сумерки души, когда предмет
Желаний мрачен. Усыпленье дум,
Меж радостью и горем — полусвет.

Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна.
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чем.

Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не мог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог.
В одном — все чисто, а в другом — все зло,
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят оттого...
I, 173

О том же, но другими словами сказал Достоевский устами Мити Карамазова: «Дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей». «Лермонтов ничего не сочинял просто так, всё диктовалось жизнью его духа, пламенного и одинокого, — писал монах Лазарь (Афанасьев)¹³². — Он всю жизнь находил в себе и преодолевал то, что успевал сатана сеять в его душе»¹³³. «Он поражал драко-

¹³¹ *Сиротин В.И.* Лермонтов и христианство // Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М.Ю. Лермонтова. М.: Изд. дом «К единству», 2010. С. 187.

¹³² Монах Лазарь (Виктор Васильевич Афанасьев) (1932–2015) — лермонтовед, автор книги о поэте (ЖЗЛ, 1991), духовный писатель, поэт. Последовательно выступал против культивирования богоборческого образа поэта, предостерегая от «беззастенчивого приписывания Лермонтову речей его персонажей».

¹³³ *Монах Лазарь (Афанасьев).* Парус одинокий // Лермонтов и православие... С. 118.

на, где только находил, также и в собственной душе»¹³⁴ (В.Н. Ильин). Поэтому Лермонтов был не только великим поэтом, но и совершенно необыкновенной личностью, противоречивой и таинственной, не поддающейся логическому объяснению. С.Н. Дурьлин, всю жизнь занимавшийся исследованием творчества поэта, записал в своем дневнике: «Лермонтов — загадка, никому не дается. Зорька вечерняя, которую ничем не удержишь: просияла и погасла»¹³⁵. Тайна души поэта нами и не может быть раскрыта, потому что «его стихи позволяют различить его черты, но не измерить могущество его духа»¹³⁶. Но Розанов, не желая это принять, прилагает колоссальные усилия, меняет концепции, настойчиво пытается проникнуть в таинственный мир психологически непостижимой души поэта и преодолеть сопротивление лермонтовских текстов, чтобы показать читателю идентичность их (Розанова и Лермонтова) взглядов и настроений, при этом прикасаясь к его поэтическим творениям не всегда бережно.

Своеобразию «странной» личности Лермонтова посвящена статья В.В. Розанова «М.Ю. Лермонтов. (К 60-летию кончины)» (1901). Философ замечает, что биографические поиски «неутомимо кружатся вокруг явно чудесного, вокруг какого-то маленького волшебства, загадки, точно производят обыск в комнате, где что-то необыкновенное случилось, но ничего не находится, все обыкновенно; а между тем *необыкновенное* в этой комнате для всех ощутимо»¹³⁷.

В представлении Розанова Лермонтов — цесаревич, готовящийся занять трон русского литературного Парнаса, он называет поэта «подлинным порфирородным юношей, которому осталось немного лет до коронования, его язык тверд и отчеканен, его гимны напряжены, страстны, тревожны и вместе воздушны, звездны»¹³⁸. Для философа Лермонтов — поэт, «соединявший в себе “космичное” и “личное”»: его глубочайше-личное чувство сейчас же раздвигается в обширнейшие панорамы, как будто весь мир его обязан слушать, как будто в том, что совершается в его сердце, почему-то заинтересован весь мир»¹³⁹. «Панорамность», еще один признак «мощи гения» Лермонтова наряду с «универсальностью» и «скульптурностью» его созданий, о чем Розанов писал

¹³⁴ Ильин В.Н. Тайновидение у Пушкина и Лермонтова... С. 342.

¹³⁵ Дурьлин С.Н. В своем углу... С. 372.

¹³⁶ Иванов Вяч. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов... С. 159.

¹³⁷ Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 69.

¹³⁸ Там же. С. 76.

¹³⁹ Там же.

в статье «Вечно печальная дуэль». «Панорамность» особенно ярко проявилась у поэта в описании природы. По мысли Розанова, поэт одновременно и «раб природы, совершенно покорный ее чарам, и господин ее»: «Лермонтов всегда берет *панораму*, качает и захватывает в строку целый бок вселенной, страну, горизонт. В “Споре” даны, никому до него не доступные ранее, описания стран и народов: это — орел пролетает и перечисляет богатство свое:

Дальше — вечно чуждый тени
Моей желтый Нил
Раскаленные ступени
Царственных могил.

В четырех строчках и география, и история, и смысл прошлого, и слезы о невозвратимом»¹⁴⁰.

Вся статья построена на сопоставлении («параллелизме») Лермонтова и Гоголя, которые «являются необыкновенными точками в истории русского духовного развития, великий поэт и великий прозаик, великий лирик и великий сатирик»¹⁴¹. В дальнейшем Розанов отказался от концепции идентичности Гоголя и Лермонтова и сравнивал их только по силе гения, подчеркивая при этом их «диаметральную противоположность» по содержанию. Розанов первый указал на Гоголя как на родоначальника русского нигилизма, воспевавшего отрицательные стороны русской жизни¹⁴² («После Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать»). При этом философ признавал Гоголя «гением формы» («по тому “как” сказано и рассказано»), считая в то же время, что, прожив еще только «один год», Лермонтов высотой своего гения «сделал бы невозможным “Гоголя в русской литературе”, предугадав его, погасив его a priori». («Только

¹⁴⁰ *Розанов В.В.* М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)... С. 76.

¹⁴¹ Там же. С. 70.

¹⁴² «Под разразившейся грозой “Мертвых душ” вся Русь присела, съежилась, озябла... Вдруг стало ужасно холодно, как в гробу около мертвеца... Чудищами стояли перед нею Гоголевские великаны-миниатюры; великаны... по мастерству; миниатюры по тому, что собственно все без “начинки”, без зрачка, никуда не смотрят, ни о чем не думают... <...> Русь, читая “Мертвые души”, не вспомнила даже, что Чичиков вместо Манилова мог бы попасть в деревню... Аксаковых или Киреевских, мог заехать к Пушкину, или друзьям и ценителям Пушкина. Громада Гоголя валилась на Русь и задавила Русь» (*Розанов В.В.* «Гений формы» (К 100-летию со дня рождения Гоголя) // *Розанов В.В.* О писательстве и писателях... С. 350.)

12 месяцев!!! — Боже, отчего же Ты не дотянул???)»¹⁴³, — восклицает Василий Васильевич.)

В статье «М.Ю. Лермонтов», исходя из определения «стиль автора есть сам автор», Розанов обращается к своей любимой теме — *стилю* двух великих писателей, надеясь найти «разгадку» их загадки. И открывает в их «необыкновенном и чарующем стиле глубокую непрозаичность, глубочайшее отвлечение от земли, как бы забывчивость земли; дыханье грез, волшебства — все противоположное данным их биографии»¹⁴⁴. Чтобы почувствовать «глубокое родство и единство стиля Гоголя и Лермонтова» Розанов предлагает внимательно перечитать описание Днепра из «Страшной мести» Гоголя и описание Петербурга из «Сказки для детей» Лермонтова. Оба писателя взяли «реальные предметы (Днепр и Петербург), и смело оба унесли в рисовку картин неправдоподобных, [но] характер рисовки, напряженно страстной, создает иллюзию полного правдоподобия»¹⁴⁵.

Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились, как тени,
И в пене вод — гранитных крылец их
Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые,
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот...
(«Сказка для детей»)

По мнению философа, хотя Лермонтов в «Отчизне» «взял полный аккорд нашего народничества и этнографии 60-х годов, но не здесь “родина” странного поэта, тут только *мощь* его»¹⁴⁶. Розанов называет обоих писателей «сомнамбулистами», «сновидцами», оттого что у них была врожденная, изначальная способность к восприятию потустороннего, мистического: «Оба они имеют параллелизм в себе жизни здешней и какой-то нездешней. Но *родной их мир — именно нездешний*»¹⁴⁷.

¹⁴³Розанов В. В. Мимолетное... С. 301.

¹⁴⁴Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)... С. 70.

¹⁴⁵Там же. С. 71.

¹⁴⁶Там же. С. 72.

¹⁴⁷Там же.

Идентичность Лермонтова и Гоголя мыслитель видит и в «самих темах». Например, в любимой Розановым «Казачьей колыбельной песне»: «Эта же песнь причитанья матери Андрея и Остапа Бульбы в ночь перед отправлением их в “Сечь”. Одна мысль, одно чувство, и как выраженное, с какою пронзительностью, у малоросса-сатирика и петербургского денди»¹⁴⁸.

Развивая тему трансцендентного начала в творчестве двух писателей, мыслитель подчеркивает, что все потустороннее в их произведениях это не литературный прием, не литературные сюжеты, а «невыдуманная “быль” их биографий». Они были «рабами своей миссии», «темными душами» для окружающих людей, считает Розанов, но избранныками Бога: «Оба писателя были любимы небом лично. Между ними и совершенно загробным, потусветлым “х” была некоторая связь, которой мы все или не имеем, или ее не чувствуем... Они знали “господина” большего, чем человек; ну, от термина “господин” не большое филологическое преобразование до “Господь”»¹⁴⁹. По мнению Розанова, только вследствие «испуга от бестелесных явлений» оба писателя их истолковали сугубо в традиционно христианском смысле, как темную силу. «Имя “бес” здесь штемпель не сходного, память об испуге, — замечает он. — [Ведь] Лермонтов созидает, параллельно с поэмой “Демон”, подлинныя молитвы, оригинальные и творческие»¹⁵⁰.

Розанов считал, что если *первую* половину «того, что называют “демонизмом”», у Лермонтова образует его мистическая одаренность, то *вторую* половину — лермонтовское «чувство собственности к природе». Розанов — восторженный пантеист — старается найти в религиозности Лермонтова теперь пантеистические особенности, представляя поэта чистым лириком, созерцающим Бога, растворенным в абстрактной природе: «“Бог”, “природа”, “я” (его лермонтовское) склублились в ком, и уж где вы этот ком ни троньте — получите и Бога, и природу вслед за “я”, или вслед за Богом является его “я” среди ландышей полевых (“Когда волнуется желтеющая нива”), около звезды, на сгибе радуги (многие места в “Демоне”)»¹⁵¹. А удивительное в Лермонтове, по мысли Розанова, это «звездное и царственное, подлинно стихийное, “лешее начало”», поэтому так естественно лермонтовское «братанье со звездами»¹⁵². И.Ф. Анненский, взгляд которого на поэзию всегда отличался тончайшими наблюдени-

¹⁴⁸Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)... С. 73.

¹⁴⁹Там же. С. 75.

¹⁵⁰Там же. С. 75–76.

¹⁵¹Там же. С. 77.

¹⁵²Там же.

ями критика-филолога, еще за 10 лет до розановской статьи подчеркивал, что в отношении поэта к природе отразилось его православное мироощущение: «Он любил Бога, и эта любовь давала в его поэзии смысл красоте, гармонии и таинственности в природе. Тихий вечер кажется ему часом молитвы, а утро — часом хваления... Лермонтов не был теистом, потому что он был *русским православным человеком*»¹⁵³.

В статье Розанов впервые упоминает о «Демоне» как о мифе, «начале мифологии, возможности мифологии», и предполагает, что поэма может стать «метафизическим и психологическим ключом к мифологии Греции, Востока»¹⁵⁴. А тайну лермонтовского «демонизма» видит в том, что «чувство сверхъестественного, напряженное, яркое в нем, яркое до последних границ возможного и переносимого, наконец, перешло и в маленькую личную сверхъестественность»¹⁵⁵. Все это придало поэту, по мнению философа, «особенную и исключительную, таинственную силу [языческого] маленького “бога”»¹⁵⁶.

Поэме «Демон» Розанов посвятил три большие статьи, написанные почти одновременно: «“Демон” Лермонтова в окружении древних мифов» (1901), «Концы и начала, “божественное” и “демоническое”, боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова)» (1902), «“Демон” Лермонтова и его древние родичи» (1902). Эта лермонтовская поэма, по мнению исследователей, — одно из самых сложных и загадочных произведений в русской литературе. Поэт работал над ним десять лет (первая редакция — 1829 год, восьмая — 1839 год.) Не счесть исследовательских трактовок¹⁵⁷ и концепций этого произведе-

¹⁵³ Анненский И.Ф. Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 242–251.

¹⁵⁴ Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины)... С. 75.

¹⁵⁵ Там же. С. 77.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ В связи с этим обратимся к мнению самого автора о герое поэмы, известному из рассказа генерала барона Е.И. фон Майделя, записанного П.К. Мартьяновым, собиравшим материалы о поэте с 1870 года. Советские исследователи не приводили эти слова Лермонтова, отчасти из-за негативного отношения к личности Мартьянова, сотрудника «реакционной газеты» «Новое время» (ценнейшие очерки Петра Кузьмича не переиздавались 112 лет), а отчасти потому, что они не вписывались в создаваемый «богоборческий» образ поэта: «На одной из стоянок отряда, во время экспедиции, на биваках, Лермонтов по просьбе генерала Галафеева прочел несколько отрывков из поэмы “Демон”. Когда окончилось чтение, генерал подошел к поэту и задал ему вопрос: “Скажите, Лермонтов, уж не крещен ли ваш Демон, что он так панибратствует с монахинями?” “Так точно, ваше превосходительство, вы изволили угадать, — ответил поэт, — мой Демон был крещен архангельской нагайкой”. Ответ этот вызвал дружный взрыв смеха» (Мартьянов П.К. Последние дни жизни М.Ю. Лермонтова... С. 141–142).

ния, многие указывали на противоречивость главного героя, но, как справедливо заметил архимандрит Константин (Зайцев), «двусмысленность эта — высокого калибра, ее не уложишь в рамки литературной критики»¹⁵⁸. В то время, когда писались статьи Розанова, в трактовке поэмы преобладал биографический метод, прямолинейно указывающий на автопортрет Лермонтова в «Демоне». Розанов тоже отмечает: «С “демоном” он слил часть своей души»¹⁵⁹. При этом он, признавая «Демона» «литературной загадкой», отрицал во всех статьях библейскую основу поэмы. Единственный раз Розанов указал на параллель поэмы с Библией в статье «О древнеегипетской красоте», но в эстетическом контексте, «родственности художественного соображения северного и арийского писателя [Лермонтов] с резцом южанина и семита [Иезекииль]». «Конечно, это — арийская водица, — замечает Розанов, всегда считавший поэму Лермонтова незавершенной, — перед липкостью и густотой семитического глагола, но образы сравнения и вся *суть дела* — здесь и там одинаковы. Вот с кем родство у нашего нераскрывшегося поэта, а не подражание Байрону, и — где родник его трансцендентности (и религиозности)»¹⁶⁰.

В поэме «Демон» Розанов видит «зародыш отдаленного культа». По мнению философа, Лермонтов вовсе не то рисует, что сказано «о существе с этим именем (“сатана”, “диавол”) в книге Бытия и в книге Иова»¹⁶¹. То, что раньше находило отклик у Розанова — лермонтовское ощущение Божественного начала в гармонии мироздания, выраженное в строке «И в небесах я вижу Бога», — теперь для него только «странный атавизм» древних египетских религий. Он проводит параллель между мировосприятием Лермонтова и мировосприятием древнего египтянина: «Все, как и у Лермонтова, — там: серебристые ландыши, тенистые сады, прячущийся в зелени листов пунцовый плод и... бог, везде — Бог, все — боги. Весь Египет есть только необозримая и по широте, и по разно-

¹⁵⁸ (Зайцев) Константин, архимандрит. Лермонтов (1814–1841) // Чудо русской истории. М.: НТЦ Форум, 2000. С. 719–720.

¹⁵⁹ Розанов В.В. «Демон» Лермонтова в окружении древних мифов // Розанов В.В. Во дворе язычников... С. 187.

¹⁶⁰ «И надел на тебя узорчатое платье, и обул тебя в сафьяновые сандалии, и опоясал тебя полотном, и покрыл тебя шелковым покрывалом. И нарядил тебя в наряды, и положил на руки твои запястья и на шею твою ожерелье. И дал тебе... серьги к ушам твоим и на голову твою прекрасный венец». (Иез 16:10–12). Ср.: «И для тебя с звезды восточной / Сорву венец я золотой; / Возьму с цветов росы полночной; / Его усыплю той росой; / Лучом румяного заката / Твой стан, как лентой, обовью...» (Монолог Демона) (Розанов В.В. О древнеегипетской красоте // Розанов В.В. Во дворе язычников... С. 17.)

¹⁶¹ Розанов В.В. «Демон» Лермонтова в окружении древних мифов... С. 187.

образию, и по углубленности иллюстрация к стихотворению: Когда волнуется желтеющая нива»¹⁶².

Прежде чем перейти непосредственно к теме «Демона», чтобы сделать ее «совершенно понятной и научной как арифметика», Розанов погружается в размышления о феномене пола, ведя читателя по сложным лабиринтам своих прихотливых мыслей. Обожествляя мир и все мирское, философ подчеркивает, что египтянам, смотревшим на пол «обратно нашему», была свойственна «высокая радость бытия». Они «в безымянном, бесфигурном теизме назвали “чудесным”, “святым”, “непостижимым” и “страшно могущественным” *чувство любви и феномен пола*»¹⁶³, найдя в нем «путь к Богу», потому как пол, по теории Розанова, соединяет в себе небо и землю. Философ считал, что «христиане смотрят на пол как на источник греха»¹⁶⁴. «[А] что влечет к началам жизни, названо было в средние века “демоническим” и “демоном”»¹⁶⁵. Причину этого он видит в том, что «христианство получило себе стиль в монашестве»: «Христианство созрело только в монастыре. Здесь его бесспорная вершина, острие: семья ли, общество, государство — все это просто явления языческого порядка, к которым Евангелие никак не пристало, и они никак не пристали к Евангелию. Христова — келья, а мир — *не* Христов»¹⁶⁶. У Розанова «душевное слишком явно преобладало над духовным» (В.А. Фатеев), поэтому языческая «теория пола» заслонила ему Христа. «Пол» для него есть дух, при этом он не принимает христианское понимание смерти как рождения для жизни вечной, не приемлет страданий и Голгофу, в то же время указывая на теплохладность веры и прозаичность чувств в современном обществе: «Мы религиозно несравненно холоднее древних. Мы уже не умеем любить, мы уже любим, как кухарки и извозчики. Любовь стала физиологической, звезды — булыжниками, животные и растения — бифштексом и дровами»¹⁶⁷.

Рассматривая поэму как *атавизм* древних культов, Розанов делает свою концепцию многослойной, *связывая мифологическую основу «Демона» с тео-*

¹⁶²Розанов В.В. Концы и начала, «божественное» и «демоническое», боги и демоны. (По поводу главного сюжета Лермонтова) // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 82.

¹⁶³Там же. С. 86.

¹⁶⁴Там же. С. 84.

¹⁶⁵Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 97.

¹⁶⁶Розанов В.В. По тихим обителям // Собрание сочинений. В темных религиозных лучах / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 104–134.

¹⁶⁷Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи... С. 102, 104.

рией пола. По мысли Розанова, всё, и на небе, и на земле, распадается на мужское и женское начало. Такой вывод он делает, углубляясь в «филологическую загадку» первой строки «Книги Бытия» (сказуемое в единственном числе, а подлежащее — во множественном числе): «борейшишь бара Элогим» («вначале сотворил Бог») и принимая во внимание высказывание Вл. Соловьева о Боге как существе женского рода («Вечная Мировая Женственность»). Исходя из этих умопостроений Розанов утверждает, что связь Лермонтова с потусторонним миром («грозной тенью») в форме встречи (конкретного контакта), похожей на свидания Вл. Соловьева с «розовой тенью», «вовсе не фантазия, а самая реальная “быль”»¹⁶⁸ в жизни поэта.

Узел розановской «теории пола» — в младенце, поэтому он представляет свое видение особенностей и различий в восприятии младенца Лермонтовым и Пушкиным, называя при этом Лермонтова «физиологом-поэтом, в древнем и особенном смысле:

О грезах юности томим воспоминаньем
С отрадой тайною и тайным содроганьем,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю
О, если б знало ты, как я тебя люблю.
«Ребенку»

Это совсем другой состав слов и движение души, чем у Пушкина:

Младенца ль милого ласкаю
Уже я думаю: «прости»...¹⁶⁹

Пушкин чувствует младенца идилически, картинно, Лермонтов — физиологически. Последнее — гораздо глубже. Это — взгляд отца, взгляд — матери, любовь — не скользящая по предмету художественным лучом, а падающая на предмет вертикально, как луч полуденного солнца, пронзающая предмет. И такие вертикальные лучи, негодования ли, любви ли, палящие, знойные, действующие, ударяющие — везде у Лермонтова; в противоположность горизонтальным лучам, художественно успокоенным, у Пушкина. От этого действие их на душу глубоко: слезы наворачиваются при чтении его строк или

¹⁶⁸Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи... С. 87.

¹⁶⁹Пушкин А.С. «Брожу ли я вдоль улиц шумных».

сердцем овладевает восторг: “веди нас, вождь наш”, хочется сказать поэту:

Бывало, мирный звук твоих могучих слов
Воспламенял бойца для битвы.
Он нужен был толпе, как чаша для пиров,
Как фимиам в часы молитвы»¹⁷⁰.

Именно поэтому Лермонтов, являющий в своих стихах ветхозаветную страстность, по мнению Розанова, производит впечатление «древнего поэта»: «Из-под уланского мундира всегда у Лермонтова высовывается шкура Немейского льва, одевающая плечи Геркулеса. И сложение стиха у него, и думы его, и весь он — тысячелетнего возраста. Точно он был и плакал при *творении мира*. И вот этуо давнюю любовью, дедовскую, родною, лешео, “ангельскою” ли, “демоническою” ли (как хотите, по выбору) полна его поэзия»¹⁷¹.

Физиология Лермонтова, по мысли Розанова, мистична: «У него везде роман, везде игра “розовой” и “грозной тени”, везде — тучка и утес, везде — тоска разлуки или ожидание свидания, везде — начало жизни, и *небесной, и земной, в слиянии*»¹⁷². Философ указывает на лермонтовского «Ангела», которого поэт «видит за начальным мигом человеческого существования», как на «священный миф сзади физиологии»: «Все — антропоморфично в небе, все богообразно — на земле»¹⁷³, — делает он вывод, усматривая особенность трансцендентного начала в творчестве поэта во *взаимосвязи мистической физиологии и антропоморфизации природы*. При этом философ подчеркивает, что чувство родства с природой достигается Лермонтовым особенным способом ее изображения «без украшений, сравнений и метафор»: «Лермонтов чувствует природу человеко-духовно, человеко-образно, он прозревал в природе точно какое-то человекообразное существо»¹⁷⁴. У Лермонтова все живое, отмеченное авторским сочувствием: ропщущие пальмы, грустная сосна, плачущий утес, игривая тучка, приветливый ландыш, улыбающиеся, разговаривающие звезды. Розанов обращает внимание, что в «Трех пальмах» «самый простой факт поэт предает с внутренним одушевлением: и пальмы ожили, и с пальмами плачем мы; тут есть рок, Провидение, начинается Бог. Природа у Лермонтова шевелится, слушает,

¹⁷⁰Розанов В.В. Концы и начала, «божественное» и демоническое... С. 88.

¹⁷¹Там же. С. 87–88.

¹⁷²Там же. С. 89.

¹⁷³Там же. С. 89.

¹⁷⁴Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи... С. 95.

ласкается, любит, ненавидит. Он собственно везде открывает в природе макрокосмос человека, маленькая фотография которого дана во мне»¹⁷⁵.

Мифологическая сердцевина в «Демоне» — «любовь духа к земной девушке». Именно здесь, по мнению Розанова, «перекрещиваются религиозные реки», потому что, в зависимости от нашего взгляда на любовь и рождение: как «на грех» или «поток правды», мы можем сказать, злой или добрый дух являлся Тамаре. Розанов считал, что «Демон» отражает тот момент в истории человечества, когда начался процесс замены язычества христианством. «А интерес “Демона”, исторический и метафизический, — пишет философ, — заключается в том, что он стал в пункт пересечения этих рек и снова задумчиво поставил вопрос о начале зла и начале добра, не в моральном и узеньком, а в трансцендентном и обширном смысле»¹⁷⁶. Ссылаясь на Геродота, он отмечает, что для свидания с «божеством» в древности девушки радостно шли в Вавилонский храм. Вот один из таких языческих мифов, по мнению Розанова, Лермонтов, в котором проявился «атавизм древности», бессознательно отобразил в своей поэме, назвав демоном то, что древние называли «богом». «Стихотворение Лермонтова, — отмечает Розанов, — стало бы в древности священной сагою, распеваемую орфиками, монастырь уединенный — почитаемым местом, и самый “Демон” обозначился бы новым собственным именем, около Адониса, Таммуза, Бэла, Зевса и других»¹⁷⁷. Философ приходит к заключению, что «“Демон” — только идея, только метафизическая истина, без прикрас, почти научная и вместе религиозная, это тот же миф, как миф греков о “Зевсе и Семеле”, как “Розовая тень” у Вл. Соловьева, как “царица Шабас” у евреев»¹⁷⁸. Именно поэтому, считает Розанов, Лермонтов не дал имени своему герою. За всеми названиями в «Морской царевне», «Сказке для детей», «Демоне», философ видит «одно существо дела», полагая, что эти «мифы витают на границе трансцендентного и земного, в них разлагается один феномен, но непременно пола, на трансцендентную и земную сторону»¹⁷⁹. Мифы, по его мнению, и возникли, потому как «кроме намека и иносказания, аллегории и нет других способов говорить и объяснять существо пола»¹⁸⁰. Лермонтов для Розанова «истинный “vates”», т.е. про-

¹⁷⁵Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи... С. 96.

¹⁷⁶Там же. С. 97.

¹⁷⁷Там же. С. 102.

¹⁷⁸Розанов В.В. Концы и начала, «божественное» и демоническое... С. 94.

¹⁷⁹Розанов В.В. По поводу одного стихотворения Лермонтова // Розанов В.В. Во дворе язычников... С. 319.

¹⁸⁰Там же. С. 319.

рок в древнем смысле, [потому что он] уловил этот секрет соотношений и всегда пел одну песенку, но золотую, “залетную”»¹⁸¹.

Розанов делает важное дополнение, проводя параллель между древним мифом и сказаниями о соблазнении в житиях, где «Демон телесной красоты и привлечения всегда сияет, манит и влечет»¹⁸². Но он умалчивает о тех моментах в соблазнении (несомненно, зная их из житийных текстов), когда при духовном поражении молитвой или крестным знамением «прекрасный» образ неотвратно возвращается в свой подлинный безобразный вид¹⁸³. Лермонтов, будучи по рождению и воспитанию православным христианином, изобразил в заключительной главе поэмы впечатляющую сцену о последних испытаниях души Тамары на пути к горнему отечеству, когда побежденный Демон являет свой истинный облик.

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых,
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих...
<...>
Издалека уж звуки рая
К ним доносились, как вдруг,
Свободный путь пересекая,
Взвился из бездны адский дух...
<...>
К груди хранительной прижалась,
Молитвой ужас заглуша,
Тамары грешная душа.
Судьба грядущего решалась,
Пред нею снова он стоял.

¹⁸¹Розанов В.В. По поводу одного стихотворения Лермонтова... С. 320.

¹⁸²Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи... С. 98.

¹⁸³Как миф, но в христианском контексте, «Демона» трактовал и А.Ф. Лосев, обращая внимание, что «Лермонтов в своей поэме занял позицию человека, *буквально верящего* в буквальное существование всех отвлеченных призраков, которыми отличается понятие злого духа; и вот эта буквальность и сделала лермонтовского Демона именно *мифом*, а не просто метафорой, и притом мифом, конечно, не в наивном фольклорном смысле, но *мифом, художественно обработанным* в условиях интенсивного использования приемов символизма» (Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. С. 143).

Но, Боже! Кто б его узнал?
Каким смотрел он злобным взглядом,
Как полон был смертельным ядом
Вражды, не знающей конца,
И веяло могильным хладом
От неподвижного лица...
II, 401

В статьях Розанова о «Демоне» сопоставление язычества и христианства оставляет ощущение неясности и недосказанности; при всей своей любви к «милым египтянам», «удержавшийся над бездной» (А.К. Закржевский) Розанов не прошел точку невозврата. Период этот был мучительным для философа. Он любил православную церковь, как выразительницу русского национального духа, и считал, что «*только у русских народ и его церковь — одно*». «Всю жизнь посвятить на разрушение того, что *одно* в мире люблю: была ли у кого печальней судьба», — напишет он потом в «Уединенном»¹⁸⁴. «Какой ты язычник, — сказала однажды ему Варвара Дмитриевна, его жена. — Ты — просто плохой христианин!»¹⁸⁵. Сам философ пытался свое отступничество и свое возвращение в Церковь объяснить так: «Я был очень счастлив (20 лет): и невольно впал в язычество. В грусти человек — естественный христианин. В счастье человек — естественный язычник. Вот Юпитеру никак не скажешь: “Облегчи!”. Кто никогда не плачет — никогда не увидит Христа. А кто плачет — увидит Его непременно. Только слезам Он открыт. Христос — это слезы человечества, развернувшиеся в поразительный рассказ, поразительное событие. Вот победа христианства. Это победа именно над позитивизмом. Весь античный мир, при всей прелести, был все-таки позитивен»¹⁸⁶.

III

В конце 1900-х годов из-за болезни жены Варвары Дмитриевны («друга»), которая была для Розанова «совестью, музой и опорой», он обращается к Спасителю со своим молением: «Облегчи!», возвращаясь к прежнему восприятию христианства как религии утешения скорбящих: заплакав, он увидел Христа. В этот период, с 1908 по 1917 гг., философ написал несколько небольших, но ярких ра-

¹⁸⁴ Розанов В.В. Уединенное... С. 68.

¹⁸⁵ Дурылин С.Н. В своем углу.... С. 178.

¹⁸⁶ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Розанов В.В. Уединенное... С. 218.

бот о Лермонтове, где его личность и творчество рассматривает в христианском аспекте. В статье «Домик Лермонтова в Пятигорске» (1908) отразились впечатления Розанова от посещения лермонтовских мест в 1907 году. Василий Васильевич отмечает, что все в этом городке «дышит именем Лермонтова, [которое] известно и почитаемо и в мещанстве, и у простолюдинов. Оно там народно и даже простонародно»¹⁸⁷. Размышляя о поэте на месте его гибели, философ называет Лермонтова «другом Небес», подчеркивая, что этого он не может сказать «в личном и религиозном значении ни о Пушкине, ни о Гоголе»¹⁸⁸. Теперь Розанов сопоставляет поэта не с древним египтянином или халдейским звездочетом, а с любимым русским народом средневековым юродивым, возвращаясь к прежней христианской трактовке лермонтовского творчества. «Значение [Пушкина и Гоголя] неизмеримо больше, нежели историческое значение Лермонтова. Ну, как у Кутузова больше значения, чем у святого “юродивого” московского времени, — поясняет Розанов. — Однако Кутузову церкви не построят, а “юродивеньким” — строят. Тут — особенное. Не это, но подобное “особенное” было и у Лермонтова»¹⁸⁹. «Никто не сказал того, что есть в “Ангеле” или в стихотворении “Когда волнуется желтеющая нива”, — замечает философ, уже не задаваясь вопросом, Кого видит поэт в небесах»¹⁹⁰.

В этой же статье впервые Розанов высказал мысль о сохранении Домика как национального достояния, обращая внимание на то, что из всех пятигорских реликвий «ни одна так не прекрасна, как домик, где он жил»: «Ценность и интерес Лермонтовского домика и сада будут все возрастать со временем. Мне кажется необходимым взять все это место в казну или в собственность города, сохраняя домик как реликвию»¹⁹¹. По мнению мыслителя, для нас, «как христианской нации», это важнее «слишком холодной хвалы» бронзовых монументов: «Что лучше простого креста над могилой или часовенки возле могилы? что лучше простой записи в “поминань” — на “вечный помин раба Божия Михаила” где-нибудь в старинной церкви, связанной с его жизнью или смертью? И вот еще такое вечное сохранение жилища, где он жил, где он написал все великое, все зрелое, что от него осталось»¹⁹². После публикации статьи Розанова во влиятельной газете «Новое время» этой идеей заинтересовалась Император-

¹⁸⁷ Розанов В.В. Домик Лермонтова в Пятигорске... С. 276.

¹⁸⁸ Там же. С. 275.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. С. 275.

¹⁹¹ Там же. С. 279.

¹⁹² Там же. С. 280.

ская Академия наук и ее президент великий князь Константин Романов (К.Р.), глубокий почитатель великого поэта. Благодаря его помощи и поддержке Домик поэта в Пятигорске в 1912 году стал мемориальным музеем.

В 1913 году Розанов с женой и дочерью Варей отдыхал в Бессарабии, в имении Е.И. Апостолопуло «Сахарна». Записи 1913 года составили книгу «Сахарна» в трех частях: «Перед Сахарной», «В Сахарне», «После Сахарны». При жизни писателя эта смелая книга не издавалась. Розанов был горячим патриотом¹⁹³ и последовательным монархистом, великой любовью к России и русскому народу дышат страницы его эссеистических книг. И на русскую литературу философ смотрел сквозь призму ее ответственности за судьбу Отечества. В третьей части книги, «После Сахарны», он посвятил Лермонтову небольшое эссе. Вознеся поэта на недостижимую высоту, с печалью, доходящей до отчаянного негодования, Розанов размышляет о его ранней смерти как о роке, как о великой, неразгаданной русской трагедии, повлекшей катастрофу Русского Царства, подготовленную основоположником русского нигилизма Н.В. Гоголем и «злыми, тупыми, холодными семинаристами» (Добролюбовым, Чернышевским etc...): «Лермонтов только несколько месяцев не дождал до величины Гёте... Не года, а несколько месяцев. И мы в темах лирики (и эпоса), которые у Пушкина были благородно-личны; тогда как у Лермонтова они были универсально-величественны...не относясь к “я”, к “XIX веку”, к “русским”, но к человеку всех времен и народов. Мы получили бы, Россия получила бы такое величие благородных форм духа, около которых Гоголю со своим Чичиковым осталось бы только спрятаться... Бок о бок с Лермонтовым Гоголь не смел бы творить, не сумел бы творить; наконец “не удалось бы” и ничего не вышло. Люди 60-х годов “не пикнули” бы. Их Добролюбовых и Чернышевских после Лермонтова... выбросили [бы] за забор, как очевидную *гадость* и *бессмыслицу*. Таким образом, вот в ком лежал заговор против всего “потом” (нигилизм)... Но значит... Это не случай, а Рок. Ибо слишком большие вещи, суть Рок... И все-таки проклятый выстрел Мартынова. Пусть “Рок”, но орудием его был злодей»¹⁹⁴.

В «Мимолетном. 1915 год» Розанов продолжает размышлять о смерти поэта, изумляя эмоциональным накалом и поистине библейским плачем о Лермон-

¹⁹³ «Болит душа за Россию. ...болит за ее *нигилизм*. Если “да” (т. е. нигилизм) — тогда смерть, гроб. “Если Россия будет *нигилистичной*” — то России нужно перестать быть... “Исчезни моя родина. Погибни”. Легко ли это сказать русскому?.. Вот где зажата душа. Вот отчего болею. Вот отчего пишу» (Розанов В.В. Мимолетное... С. 185).

¹⁹⁴ Розанов В.В. После Сахарны // Розанов В.В. Сахарна... С. 238–239.

тове: «“Пала звезда с неба, недогорев, недолетев”. Чего мы лишились? Не понимаем. Рыдаем. Горе. Горе. Горе. Ну, а если “выключить Гоголя” (Лермонтов бы его выключил) — вся история России совершилась бы иначе, конституция бы удалась, на Герцена бы никто не обратил внимания, Катков был бы не нужен. И в пророческом сне я скажу, что мы потеряли “спасение России”. Потеряли. И до сих пор не находим его. И найдем ли — неведомо»¹⁹⁵.

В статье «Пушкин и Лермонтов» (1914) философ развивает свою прежнюю мысль о статическом начале Пушкина и динамическом — Лермонтова в контексте «морального духовного движения». По Розанову, «Пушкин — поэт мирового “лада”, все тихо, замерло и стоит на месте, *движению* и *перемене* неоткуда взяться». Но «мир движется и этим отрицает покой, счастье, устойчивость, всеблаженство...»¹⁹⁶. (Отрицание Пушкина.) По мысли философа, начало вообще всех страхов в мире — смерть. От осознания, что «все умирают, хочется бежать, бежать и бежать, не останавливаясь до задыхания»¹⁹⁷. Он считал русскую литературу «счастливее» и «гармоничнее всех литератур», ибо «в ней “лад” [Пушкина] выразился столько же удачно и полно, так же окончательно и возвышенно, как и “разлад” [Лермонтова]»¹⁹⁸. Разлад Лермонтова, по мнению Розанова, в движении, которое составляет сущность всей его поэзии: «Он никуда не приходит, а только уходит... [и этим] объясняет нам, — почему мир “вскочил и убежал”»¹⁹⁹. Поэт сам называл себя «гонимым миром странником», он, по словам С.Н. Дурылина, — «бездомник, без всякой оседлости на земле», поэтому образ дороги, пути — один из главных в его поэзии. Лермонтов и завершает свой творческий путь этим символом — дорогой, уходящей в Вечность («Выхожу один я на дорогу»). Но нужно при этом иметь в виду, что сам поэт странничество воспринимает как завет Бога, а не бег от смерти, страха которой у него никогда не было и, значит, он не видит в своем странничестве дисгармонии. В русской народной традиции «странник» — это богомolec, не имеющий своего угла, как правило, человек с чистым сердцем, идущий на поклонение в святые места. Именно так, по словам Н.О. Лосского, Лермонтов видит и описывает гармонию и красоту природы, «как странники,

¹⁹⁵Розанов В.В. Мимолетное... С. 301.

¹⁹⁶Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 602.

¹⁹⁷Там же. С. 603.

¹⁹⁸Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов... С. 603.

¹⁹⁹Там же.

созерцающие славу Божию»²⁰⁰.

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить...
<...>
Тогда молитвой безрассудной
Я долго Богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» Он вещал...<...>
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй»...
I, 501

«Все субъективно», — мудро заметил С.Н. Дурьлин в своем дневнике. По мнению Розанова, сам поэт не мог уловить причину своего «разлада», и «в этой неопределенности и неуловимости и скрывается вся его неизмеримая обширность»²⁰¹. (Как видим, это утверждение мыслителя противоречит его словам в статье «Вечно печальная дуэль», написанной за 16 лет до того (1898), о лермонтовском «ключе “гармонии”», который открывает ему «выход из природы — в Бога, из “стихий” к небу».) В.Н. Ильин, в отличие от Розанова, считал, что все «существо Лермонтова» излучало гармонию, которая отразилась в его поэзии: «Творчество Лермонтова — это душа души, музыка музыки. “Скрытая гармония сильнее явленной”. И вся сила Лермонтова в этой скрытой, словом не передаваемой гармонии»²⁰². Ученик прп. Силуана Афонского старец Софроний (Сахаров) в своей книге «О молитве» пишет, что душа гения находится

²⁰⁰Лосский Н.О. Характер русского народа // Условия абсолютного добра. М.: Политиздат, 1991. С. 308–309.

²⁰¹Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов... С. 603.

²⁰²Ильин В.Н. Грусть... С. 5.

на грани двух миров и может быть созерцателем *другой* реальности: «Гению открываются умные видения, которые он не может реализовать, ибо они *превосходят меру достижимого в сем мире*»²⁰³. От сознания, что бессилён запечатлеть свои переживания, поэт испытывает «муки слова» и может свой поэтический дар в этот момент ощущать как наказание. Вот эту драму «*невыразимости*»²⁰⁴, невозможности запечатлеть зароненный небесный звук в слове, Лермонтов очень чутко ощущал всю жизнь, отразив ее в своей поэзии, чем вызвал упреки в дисгармонии у части мыслителей и исследователей, полагавших, что раздвоенная душа поэта так и не смогла достичь гармонии и цельности.

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье дум. Нет звуков у людей,
Довольно сильных, чтоб изобразить
Желание блаженства. Слов не нахожу. <...>
I, 167

Из-за несовершенства мира «всякое религиозное сознание обязательно трагично», — говорил А.Ф. Лосев. Скучные песни земли заглушали, но *не заменили* поэту «звуков небес», которые он постоянно воскрешал в своей душе, и когда ему это удавалось, — «отблеск пасхального утра ложился на его поэзию» (П.П. Перцов). У Лермонтова всегда все предельно глубоко и серьезно, взор его постоянно устремлен в Вечность, у него нет пушкинского светлого, легкого и радостного отношения ни к жизни, ни к своему «жребию русского поэта». Напротив, он просит Творца лишить его поэтического дара, который, по его представлению, вносит разлад в его жизнь, заглушает небесные звуки и уводит от спасительного пути.

...От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на *тесный путь спасенья*
К Тебе я снова обращусь.
I, 68

²⁰³Ильюнина Л.А. Искусство и молитва: по материалам наследия старца Софрония (Сахарова) // Русская литература / ИРЛИ. 1995. № 1. С. 218–225.

²⁰⁴Эта проблема волновала многих поэтов. Ср. элегию В.А. Жуковского «Невыразимое» («Невыразимое подвластно ль выраженью?..»), «Silentium!» Ф.И. Тютчева («Мысль изреченная есть ложь»).

Это скорее «томление по Божеству» (Борис Зайцев), чем «разлад». Розанов этого не уловил, поэтому он делает вывод, на наш взгляд, не совсем удачный, но тем не менее ставший филологическим афоризмом, часто цитируемым: «Пушкину и в тюрьме, было бы хорошо. Лермонтову и в раю было бы скверно»²⁰⁵. Тут проявилась характерная розановская спонтанность мысли, настроение момента. Увлечшись, философ забыл свое прежнее утверждение о характерной разнице между «*terre-a-terr*'ным» Пушкиным и «нездешним» Лермонтовым, которую чувствовали наиболее пронизательные философы и критики, ибо «нет другого поэта, который так *явно* считал бы небо своей родиной и землю своим изгнанием» (С.А. Андреевский)²⁰⁶. Вот отчего ему и в *земном* раю «было бы скверно». Тут С.Н. Дурылин оказался более чуток: «Земная жизнь для Лермонтова — *мгновение*, перепуток, странное и недоброе “бойкое место” (оттого ему и «скверно» здесь. — С.Т.), после которого сейчас же начитается новый, другой, длинный-длинный путь. В Лермонтове была простота мудрости (как у странников-богомольцев. — С.Т.) — знания о вечном. А Пушкин этого не знал. Он — весь на земле («и в тюрьме хорошо». — С.Т.). Земля для него оседлость, за черту которой он не хотел и *не умел* выходить»²⁰⁷. Вот почему, по мысли Дурылина, «Пушкина Данте коснулся только своим “Адом” с его *земным реализмом* мук и мучимых, а Лермонтова коснулся звездным лучом из своего “Рая”»²⁰⁸.

Как бы мудры и пронизательны ни были мыслители и критики, они могут заблуждаться, но не может ошибаться целый народ, который, по мнению В.О. Ключевского, воспринял поэзию Лермонтова как *ответ* «на свое национально-религиозное настроение, (резиньяцию), ставшее *нравственным правилом*, преданностью воле Божией. Поэзия Лермонтова на последней ступени своего развития становилась выражением того *стиха-молитвы*, который служит формулой *русского религиозного настроения*: *да будет воля Твоя*. Никакой христианский народ своим бытом, всю свою историей не прочувствовал этого стиха так глубоко, как русский, и ни один русский поэт доселе не был так способен *глубоко проникнуться этим народным чувством* и дать ему художественное выражение, как Лермонтов»²⁰⁹. Это проникновение народа, ценившего более всего лад и смирение, в гений поэта, говорит внимательному

²⁰⁵ Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов... С. 603.

²⁰⁶ Андреевский С.А. Лермонтов... С. 295.

²⁰⁷ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 250.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Ключевский В.О. Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова... С. 447.

уму очень многое, как и тот факт, что вот уже почти два века русские дети засыпают под «Казачью колыбельную песню», которую народ назвал *своей* песней, как и ставшую культовой «Выхожу один я на дорогу». В конце жизни «бури тайные страстей» уступили в душе поэта место христианской грусти («радости сквозь слезы» — так определяет это настроение Ключевский) и стремлению к «свободе и покою», что оказалось созвучно и понятно русской народной душе.

И с грустью тайной и *сердечной*
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?..
I, 456

«Над Пушкиным и Лермонтовым, — замечает философ в конце статьи, доводя свои спорные рассуждения до логического конца, — “далее” их — гармоническое движение. Страшно мира, что он “движется” (отрицание Пушкина), заключается в утешении, что он “гармонично движется” (отрицание Лермонтова). Через это “рай потерян” (мировая проблема “Потерянного рая”), но и “ад разрушен” (непоколебимое слово Евангелия)»²¹⁰.

В 1916 году в день 75-летия гибели Лермонтова в газете «Новое время» была напечатана статья П.П. Перцова «Будущий Лермонтов», в которой критик размышлял о возможных путях дальнейшей эволюции творчества поэта. По мнению Перцова, «будущего Лермонтова, которого унесла от нас вечно проклятая дуэль, нужно представлять более *прозаиком* нежели поэтом. [На это указывают] ранний переход Лермонтова к прозе, и то совершенство, с каким он *сразу* овладел этой формой». Останавливаясь на замысленной поэтом трилогии из трех эпох русской жизни, Перцов замечает, что «Лермонтов был последним, над кем горела заря героизма в нашей литературе, и из-под его золотого пера могли родиться страницы такого родного эпоса, который мы вправе были бы назвать нашей “Илиадой”»²¹¹.

²¹⁰Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов... С. 603.

²¹¹Перцов П. «Будущий» Лермонтов: (К 75-летию со дня смерти: † 15 июля 1841 года) // Новое время. 1916. 15 (28) июля, №14496. С. 4.

Прочитав статью Перцова, Розанов заново переживает смерть поэта и мгновенно откликается своим эссе «О Лермонтове» (1916) — восторженным гимном, который трудно цитировать, настолько он целен и гармоничен. Розанову Лермонтов-поэт был ближе, чем Лермонтов-прозаик, хотя он очень высоко ставил «Тамань», «Бэлу», «Максима Максимыча», «Фаталиста», но не любил «Княжну Мери». «Лишние люди», в которых философ видел будущих нигилистов, всегда вызывали у него раздражение, поэтому в обширном лермонтовском цикле его статей мы не встретим анализа прозы поэта. Для философа не это главное в творчестве Лермонтова, а то — в чем выразилась его религиозность, поэтому для Розанова его «стихи *все* до сих пор чудесны и, значит, *вечны*»²¹². Отмечая, что «Перцов пишет хорошо, но недостаточно», Розанов вступает с ним в полемику, предлагая свое видение «будущего Лермонтова». По мнению философа, Лермонтов «никакой “Войны и мира” не написал бы, и не стал бы рисовать Екатерининскую эпоху. Это было “побочное” в нем — то, что он “умел” и “мог”, но иные струны, иные звуки — суть его»²¹³. Вся статья пропитана библейскими аллюзиями и раннехристианскими образами. Оставшийся от поэта только один томик стихов Розанов называет «“вещим томиком”, золотым нашим Евангелищем. — Евангелищем русской литературы, где выписаны лишь первые строки»²¹⁴. «Все это гораздо неизмеримо могущественнее и прекраснее, чем “начало Пушкина”, — пишет Василий Васильевич, — и даже это впечатлительнее и значащее, нежели сказанное Пушкиным и в *зримых годах*, это красота и глубина, заливающая Пушкина. За Пушкиным — я чувствую, как накинута на меня за эти слова, но *так* думаю — Лермонтов поднимался неизмеримо более сильную птицею. Пушкин был обыкновенен, достигнув последних граней... в этом обыкновенном, “нашем”. Лермонтов был совершенно необыкновенен; он был вполне “не наш”, “не мы”. Вот в чем разница»²¹⁵.

Розанов, всегда придававший особое значение тону писателя, называет Лермонтова «державным поэтом», не видя ему равных по *властному тону* в русской литературе: «Вышел — и владеет. Сказал — и повинуются»²¹⁶. В воображении Розанова поэтический, исполненный гармонии мир Лермонтова, его «державна», — это «Звезда. Пустыня. Мечта. Зов», поэтому, по его предположе-

²¹²Розанов В.В. Мимолетное... С. 300.

²¹³Розанов В.В. О Лермонтове // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 642–643.

²¹⁴Там же. С. 641–642.

²¹⁵Там же. С. 642.

²¹⁶Там же.

нию, поэт бы «вышел “в пророки на русский лад”, он ушел бы в пустыню и пел бы из пустыни. А мы его жемчуг бы собирали, собирали в далеком и широком море, — умилялись, слушались и послушались»²¹⁷. Розанов видит будущего Лермонтова «духовным вождем народа», который сочетает в себе непрестанную молитву и созерцательность, отшельничество и безмолвие, аскетизм и высокий поэтический дар: «чем-то, чем был Дамаскин на Востоке: чем были “пустытники Фиваиды”». «Да уж решусь сказать дерзость, — пишет мыслитель, — он ушел бы “в путь Серафима Саровского”. Не в тот именно, но в какой-то около *этого пути лежащий путь*»²¹⁸. В представлении Розанова «Лермонтов — чистая, ответственная душа»,²¹⁹ поэтому в будущем он творил бы в библейских традициях: «Он дал бы канон любви и мудрости. Он дал бы “в русских тонах” что-то вроде “Песни Песней”, и мудрого “Экклезиаста”, ну и тронул бы “Книгу царств”... И все кончил бы дивным псалмом. По многим, многим “началам” он начал выводить “Священную книгу России”»²²⁰.

Создается впечатление, что Розанов, при его тяготении к крайностям, преувеличивает духовное значение Лермонтова для России, но это только на первый взгляд. Главная мысль философа заключается в том, что Лермонтов был способен вернуть утраченное *единство* искусства и религии. Поэзия родилась из молитвы, изначально существовала глубокая взаимная связь (синкретизм) искусства и религии. Пламенные проповеди ветхозаветных пророков, Песнь песней и Притчи царя Соломона, Псалтирь царя Давида, — все это высочайшие образцы библейской поэзии. В России литература также была вначале словом церковным и монашеским, славящим Бога или наставляющим. Философ Иван Ильин подчеркивал, что «искусство в России родилось как действие молитвенное; не забава, а ответственное деяние; *мудрое пение или сама поющая мудрость*»²²¹. И даже когда литература ушла в «мир, лежащий во зле», она продолжала нести людям вечные истины любви, добра и правды. «Большой художник как бы открывает своим читателям доступ к сущности жизни, в глубины Божии, — писал И.А. Ильин. — Он как бы благословляет их *своими прозрениями и страданиями*; он учит их входить в храм мировой мудрости и молиться в нем

²¹⁷ Розанов В.В. О Лермонтове... С. 642.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Ср.: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8).

²²⁰ Розанов В.В. О Лермонтове... С. 642–643.

²²¹ Ильин И.А. О чтении и критике // *Одинокий художник: статьи, речи, лекции*. М.: Искусство, 1993. С. 35–36.

новыми словами *единому и единственному Богу*²²². Память о высокой миссии художественного творчества генетически сохранилась в русской словесности XIX века, проявившись особенно ярко в поэзии Пушкина и Лермонтова.

О месте поэта в секулярном мире Лермонтов много думал, что видно из его многослойного таинственного стихотворения «Не верь себе». Понимая, что в мирском обществе нелегко слышать голос Бога, он предостерегает поэта от искушения принять свое воображение, «кипение» личных страстей, за Божественное вдохновение, подчеркивая первостепенную важность для художника умение различать Божественный Дух и дух человеческий. Лермонтов, всегда обостренно чувствовал борьбу «священного» с «порочным», и никогда «не осмеливался равнять/ С земным небес живые звуки» (I, 280).

Не верь, не верь себе, мечтатель молодой,
Как язвы бойся вдохновенья...
Оно — тяжелый бред души твоей больной,
Иль пленной мысли раздраженье.

В нем признака небес напрасно не ищи:
— То кровь кипит, то сил избыток!..

<...>

Закрадется ль печаль в тайник души твоей,
Зайдет ли страсть с грозой и выюгой,
Не выходи тогда на шумный пир людей
С своею бешеной подругой...

<...>

I, 411

В стихотворении «Поэт» Лермонтов возвышает поэта до уровня библейского пророка, поднимая его над толпой, которую «тешат блески и обманы», подчеркивая единую миссию поэта и пророка в прошлом и призывая к такому служению в настоящем.

*Твой стих, как Божий дух, носился над толпой*²²³
И, отзыв мыслей благородных,

²²² Ильин И.А. О чтении и критике... С. 36.

²²³ «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою» (Быт 1:2).

Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных...
I, 407

Многие стихи Лермонтова — это *притчи*²²⁴ («Три пальмы», «Листок», «Парус» etc...) или *псалмы*²²⁵ («Когда волнуется желтеющая нива», «Выхожу один я на дорогу», «Ветка Палестины» etc...), а «по устремлению, по сокровенному порыву, по радости или муке, все стихи [его] — молитва»²²⁶. Вот эта «поразительная религиозная струна» (А.О. Смирнова-Россет) у Лермонтова позволила Розанову представить его в будущем «духовным вождем народа».

Есть в статье «О Лермонтове» один интересный момент, вызвавший, в свою очередь, «маленький фельетон» П.П. Перцова²²⁷. В самом начале Розанов пишет, что русским людям «нужно простить общею русскою душою “несчастливого Мартынова”. Ведь он нес в душе 40 лет сознание “быть Каином около Авеля”». «Ах, Мартынов, что он сделал! Бедный, бедный Мартынов! — заканчивает Василий Васильевич рыдающими словами свою последнюю статью о поэте, выделяя курсивом два последних слова. — “Миша” ему бесспорно простил, да и

²²⁴См.: Семенов Л.П. Лермонтов и Библия. (К столетию со дня рождения Лермонтова) // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: антология: в 2 т. / под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. Т. 1. С. 94–103.

²²⁵Сохранились свидетельства, что Лермонтов переложил в стихи восемь кафизм из Псалтири. Поисками этой большой рукописи поэта безуспешно занимался в конце XIX века профессор Пензенской духовной семинарии П.С. Озерецкий, сын диакона тарханской церкви Стефана Озерецкого. (Назарова Л. Найдутся ли лермонтовские реликвии? // Аврора. 1989. №10. С. 138–140).

²²⁶Дурьлин С.Н. Судьба Лермонтова // Русская мысль. 1914. №10 (окт). II отд. С. 29.

²²⁷Петра Перцова возмутил призыв Розанова к прощению Мартынова, и он саркастически замечает: «Мне эти вселенские объятия кажутся слишком широкими. Если, действительно, никто не виноват и все правы, то не о чем и толковать, а остается только целоваться направо и налево. Но я не хочу целоваться с Мартыновым. Я ещё понимаю попытку защитить Д'Антеса... Он “не мог понять на что он руку подымал”, если припомнить, что убийца Пушкина вряд ли и мог читать по-русски, разве по складам. Но Мартынов? С него очень можно и должно спрашивать понимания, “на что он руку подымал”. Для меня отвратителен этот самодовольный, напыщенный собою и ограниченный офицерик, который не умея ответить остроумно на шутку приятеля, тащит его к барьеру и здесь поспешно палит в него с очевидным прицелом. <...> Нет, как вспомнишь роковую минуту у подножия Машука, когда одно легкое движение руки могло *все* сохранить для нас и навсегда... Одно только легкое отклонение вправо!.. Но — Пустое сердце бьется ровно, / В руке не дрогнет пистолет» (Перцов П.П. Прощать ли Мартынова? (Маленький фельетон) // Новое время. 1916. 1(14) авг. №14513. С. 3).

мы ничего не помним, а только плачем о себе. Час смерти Лермонтова — *сиротство России*»²²⁸.

В распространении нигилизма в России Розанов видит вину русской словесности, и с горьким негодованием выносит ей суровый приговор: «От декабристов до нас литературу русскую определяют “пакостничеством”. Очень талантливым, временами гениальным. Но — пакостничеством. Перья были золотые. Но они обмакивались в какую-то зловонную гущу пакостных чувств и идей. Пушкин, Лермонтов и Кольцов (и еще очень немногие) отошли в сторону. <...> Да, вот где зло и рок русских и России, что гениальный по силам период русской литературы и был употреблен просто на пакость. Страшно думать»²²⁹. На упреки и обвинения («оплеухи») в отрицании признанной русской классики через полгода он составляет список тех писателей, которые, по его мнению, своим творчеством служили России, а не глумились над ней, и поясняет: «Я отрицаю, собственно, не очень много: Кантемира, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, вторую половину Толстого и всех писателей 60-х годов с “судебной реформой”. Что же я отрицаю, собственно? Непонимание России и отрицание России»²³⁰.

В «Последних листьях. 1916 год» Розанов вспоминает Лермонтова *единственный раз* в неодобрительном ключе, сетуя, что «потрясающий Кавказ, примыкающий к последним уголкам римского мира и греческого мира» никак не отразился в нашей литературе: «Несколько стихотвореньиц Лермонтова, да “как они пили воды в Пятигорске”. П<отому> ч<то> за своими юбками и панталонами русские не видят корон, царей, престолов, царств. Заехал на Кавказ Толстой. Заметил же только Лукашку, да: еще красавицу Матрену, которая не полюбила “его”. А что есть на свете этот колоссальный перешеек “Кавказ” с двухтысячелетнюю историю, с Моисеем Хоренским, с Воронцовым, Ермоловым, Евдокимовым, с нефтью, которую 50 лет выкачивают иностранцы: всего этого Толстой и Лермонтов просто не заметили. Воистину не интересовались. Для русских самое неинтересное место в мире — это Россия. Пушкин, кажется, последний, который интересовался Россией и любил Россию»²³¹.

Изменчивый Розанов, «задыхаясь от мысли», выговаривал движение души. В данном случае настроение момента вступило в противоречие с прежними его оценками и мнениями. «Войну и мир» Василий Васильевич ценил высоко,

²²⁸ Розанов В.В. О Лермонтове... С. 643.

²²⁹ Розанов В.В. Мимолетное... С. 80–81.

²³⁰ Там же. С. 295.

²³¹ Розанов В.В. Последние листья... С. 166–167.

отмечая, что за этот роман «наша Русь полюбила Толстого простою и светлою любовью», а «Песню про купца Калашникова» по глубине и реализму описания эпохи ставил не ниже «Войны и мира». В отношении темы «Лермонтов и Кавказ» высказывание Розанова несправедливо, чтобы не сказать — курьезно.

Мой гений сплел себе венок
В ущелинах кавказских скал...
I, 117

«Ни один из русских писателей не проявил в области кавказского фольклора такой осведомленности, как Лермонтов, — отмечал известный лермонтовед и этнограф Кавказа Л.П. Семенов, — и никто, вдохновляясь мотивами этого фольклора, не создавал таких прекрасных произведений, как он»²³². Народы Кавказа ответили Лермонтову взаимностью, создав в своей мифологии высокий поэтический образ русского поэта-воина²³³.

IV

Незадолго до смерти, в 1918 году, Розанов пишет итоговую работу «С вершины тысячелетней пирамиды. (Размышления о ходе русской литературы)»²³⁴, в которой пытается осмыслить величайшую русскую катастрофу, рассматривая историю России сквозь призму русской классической литературы. Философ говорит о 1917 и 1918 годах, как об «исключительной исторической минуте, в которой видно завершившееся историческое течение и литературное течение». «Россию разорвала ее литература», — делает вывод Василий Васильевич и указывает на интеллигенцию как главного виновника гибели Отечества: «Еще никогда не бывало случая, чтобы “литература сломила наконец царство”, “разнесла жизнь народа по косточкам”, “по лепесткам”, чтобы она “разорвала труд народный”, переделала всю жизнь в сюжет одной из повестей гениально-

²³² Семенов Л.П. Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, Ordжоникидзе, 1941.

²³³ Один из кавказских мифов о Лермонтове гласит, что «перед боем поручик Лермонтов надевал красный башлык, а горцы уговаривались не стрелять во всадника в багряном башлыке, потому что это был “русский гегуако — ашуг — поэт”. Убить поэта у горцев считалось величайшим преступлением. Миф этот очень популярен на Северном Кавказе и даже породил ряд современных произведений о “всаднике в багряном башлыке”» (Шутова Т.А. Русские писатели в современной мифологии Кавказа // Кавказские научные записки. 2010. №3(4) С. 66–76).

²³⁴ Впервые опубликована в 1990 году: Розанов В.В. Сочинения / Сост., подгот. текста и коммент. А.Л. Налепина и Т.В. Померанской; вступ. статья А.Л. Налепина. М.: Советская Россия, 1990. С. 448–464.

го своего писателя: “Записки сумасшедшего”»²³⁵. Розанов говорит «о смерти Пушкина и Лермонтова, повлиявшей на ход и судьбу всей русской литературы» как о «“случае”, [роке], который коснулся весов судьбы [России]»²³⁶. У философа была величайшая надежда на этих русских гениев. Пушкин — «поэт мирового “лада”» — сумел бы всех примирить: при нем общество не разделилось бы на славянофилов и западников, а «властный», «порфиородный» Лермонтов «погасил бы Гоголя», с которого, по мнению мыслителя, начались беды в России.

Подводя «resumé», Розанов пишет: «Началось все очень радостно, с Петра, с Кантемира, с Фон-Визина, Ломоносова, Княжнина, с прекрасного Державина. “Восторг внезапный ум пленил”. <...> Утихающий “восторг”, что-то крепкое и славное, держится в Батюшкове, Жуковском, Языкове, Пушкине. Это солнце-стояние русской литературы. Все сияет невыразимою, *независимою* красотой: и Смирдин оплачивает червонцем каждый стих Пушкина. Но — солнце не стоит... Ближается вечер. <...> Взвилась звездою не то утреннею, не то вечернею узкая лента поэзии *Лермонтова*, что-то сказочное, что-то невероятное для его возраста, для его опыта: взглянув на которую черный гном Гоголь сказал: “Я тебе покажу, звездочка”... И вот все рушилось. ... в безнадежную бездну хаоса. Причина — семинаристы, тупые, злые, холодные. Равнодушные ко всему, кроме своей злобы. Вся русская история была выставлена как гниющее пороков и преступлений, которое чем больше кто ненавидел, тем он казался сам пророчесственнее, священнее... <...> Далее — гибель от литературы, случай единственный во всей всемирной истории»²³⁷. «Были и праведники, — говорит Розанов, — это — славянофилы, но грех, врожденный [разрушителям], был сильнее их праведности. Они звонили в колокольчики, когда в стране шумел набат. Никто их не услышал, никто на них не обратил внимания. Это алтарь. Растоптанный алтарь»²³⁸.

Образ Лермонтова вспыхивает в последней книге Розанова «Апокалипсис нашего времени», которую он писал нищим и смертельно больным. Потрясенный стремительным падением православного Русского Царства, он с каким-то болезненным иступлением, напоминающим горячечный бред, обрушивает на христианство поток упреков. «“Апокалипсис нашего времени”, — пишет В.А. Фатеев, — это, по существу, плач над разоренной Россией, состоящий

²³⁵ *Розанов В.В.* С вершины тысячелетней пирамиды (Размышления о ходе русской литературы) // *Розанов В.В.* О писателях и писательстве... С. 666.

²³⁶ Там же. С. 664.

²³⁷ Там же. С. 671–672.

²³⁸ Там же. С. 670–671.

из длинных тирад, с сетованиями, воплями отчаяния и обвинениями всех и вся. [Розанову] жаль эту старую Русь, он проклинает творцов революции, но основной акцент сделан на яростной критике христианства и Христа, как главной будто бы причины крушения всех устоев жизни»²³⁹. Вспоминая прежнюю прекрасную страну, философ с горечью замечает: «Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, [митрополит] Филарет, какое осияние Царства!»²⁴⁰. Интересно, что в этот ряд попал Гоголь. В письме к П.Б. Струве (февраль 1918) Розанов признал победу «ужасного хохла»: «Нет, он увидел русскую душеньку в ее “преисподнем содержании”. <...> И вот, при всем этом — люблю и люблю только один русский народ»²⁴¹. Но потом бесспорными авторитетами в русской литературе для Розанова остаются только два писателя: Пушкин и Лермонтов, о чем он упоминает со свойственной ему резкостью и субъективностью: «У русских есть упрямство. Но нет силы воли. У нас история — моменты, а не процессы. Соломон, Давид и больше ничего. Пушкин, Лермонтов и всякая сволочь»²⁴². Критикуя христианство в этой своей последней книге, и противопоставляя ему язычество и Ветхий Завет, Розанов упоминает Лермонтова в языческом контексте, как «атависта, со dna души которого поднялась чрезвычайно древняя истина»²⁴³. Незадолго до смерти, 23 августа 1918 года, мыслитель напишет Н.А. Котляревскому, ощущая «адскую муку» от смерти 18-летнего сына и смерти любимой «былой Руси», страшные слова, полные отчаянной тоски и боли: «Господи, что же случилось с нашей Россией. Революция хороша в “Zone blanche”²⁴⁴; а пережить ее — такие ужасы, какие только мертвые в силах вынести. “Мертвые души”. Гоголь, Гоголь — вот пришла революция, и ты весь оправдан. Прав — не Пушкин, не *звездоносец Лермонтов*, не “Фиалки” Кольцова, не величавый Карамзин, прав **ты один** — с “Повытчик кувшинное рыло” с “городом N” (какая мысль в этом N, — пустыня, небытие, нет даже имени и в России именно нет самого имени, названия, это просто — НЕТ»)²⁴⁵.

²³⁹ *Фатеев В.А.* Жизнеописание Василия Розанова... С. 970–971.

²⁴⁰ *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени // *Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 2000. С. 6.

²⁴¹ Цит. по: *Розанов В.В.* О себе и жизни своей / сост., предисл., коммент. В.Г.Сукача. М.: Моск. рабочий, 1990. С. 680–681.

²⁴² *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени... С. 330.

²⁴³ Там же... С. 355.

²⁴⁴ Мертвой зоне (фр.).

²⁴⁵ *Розанов В. В.* Письма 1917–1919 гг. // *Литературная учеба.* 1990. № 1. С. 83.

«Розанов выбрал в христианстве самое бесспорное, — заметил С.Н. Дурылин, — он умер по-христиански»²⁴⁶. Да, Господь послал Василию Васильевичу истинно христианскую кончину, о которой верующий человек может только с надеждой молиться. Дочь философа Татьяна Васильевна писала о его смерти П.П. Перцову: «Четыре раза он причащался, один раз его соборовали, три раза над ним читали отходную, во время которой он и скончался. За несколько минут до кончины ему положили пелену с мощей прп. Сергия и он тихо, тихо заснул под ней»²⁴⁷. Сам Розанов предвидел, что «умрет [он] все-таки с Церковью». Его кончина в который раз подтвердила известное христианское изречение: «Ин — суд человеческий и ин — суд Божий. Люди видят поступки, Господь зрит сердце». А сердце у Василия Васильевича всегда было горячим, и никогда — теплосладным и равнодушным: «Не было более сердобольного писателя, чем В.В. [Розанов]. Тут болит, там болит — о боли-то и писать: вот весь В.В.»²⁴⁸. Возможно, эта боль и перевесила в очах Господа все грехопадения и заблуждения великого мыслителя.

В зависимости от религиозного мировоззрения Розанова все его критические статьи *лермонтовского* цикла условно можно разделить на четыре периода. В работах первого периода (консервативного), философ отводит Лермонтову роль родоначальника русской литературы, образно сравнивая творчество поэта с деревом, «кронка которого была срезана», а все гении послепушкинской литературы «пойдя в сук», раскрыли собою лежавшие в [Лермонтове] эмбрионы». В центре внимания критика и новая природа лермонтовских образов: «скульптурность, изобразительность, панорамность». В этот период Розанов трактует Лермонтова в христианском аспекте как «глубокого мистика», способного «улавливать иные миры».

Второй период — языческий, антихристианский, декадентский (конец 1890-х — начало 1900-х годов). Творчество Лермонтова рассматривается Розановым в контексте религиозной природы пола и языческой культуры Древнего Египта и Вавилона. Философ усматривает в произведениях поэта «атавизм» древних египетских религий, а в поэме «Демон» — *языческий миф*, трактуя некоторые произведения Лермонтова как антихристианские.

²⁴⁶ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 333.

²⁴⁷ Розанов В.В. Письма 1917–1919 гг... С. 84.

²⁴⁸ Дурылин С.Н. В своем углу... С. 827–834.

В третий период (1908–1917) философ возвращается к трактовке лермонтовского творчества в христианском аспекте, видя поэта в будущем «духовным вождем народа», способного творить в высокой библейской традиции.

В последний четвертый (антихристианский) период (1918) философ не написал ни одной работы о Лермонтове, но упоминает его как «невероятный, сказочный» талант в итоговой статье «С вершины тысячелетней пирамиды. (Размышления о ходе русской литературы)» и в «Апокалипсисе нашего времени», где представляет его опять атактивом и визионером.

На протяжении 20-летнего внимания мыслителя к Лермонтову менялись концепции и трактовки его произведений, оценка же Лермонтова как поэта оставалась неизменно высокой, в этом отношении парадоксальный Розанов проявлял редкую для него последовательность.

Источники и литература

1. *Андреевский С.А.* Лермонтов // М.Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология. СПб: Изд-во РХГИ, 2002. С. 295–313. («Русский путь»).
2. *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 476 с. (Б-ка «Любителям российской словесности»).
3. *Анненский И.Ф.* Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Книги отражений. М.: Наука, 1979. С. 242–251. (Лит. Памятники).
4. *Афанасьев В.В.* «Меня терзает дух лукавый»: Размышления над поэмой М.Ю. Лермонтова «Демон» // ПС. Литература. 1999. №35. С. 8–9.
5. *Монах Лазарь (Афанасьев)* На высотах духа. Горы в сочинениях М.Ю. Лермонтова // М.Ю. Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М.Ю. Лермонтова. М.: Изд. дом «К единству», 2010. С. 280–290.
6. *Монах Лазарь (Афанасьев)*. Парус одинокий // М.Ю. Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М.Ю. Лермонтова. М.: Изд. дом «К единству», 2010. С. 53–118.
7. *Бибихин В.В.* Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006. С. 81–84.
8. *Васильчиков А.И.* Несколько слов о кончине М.Ю. Лермонтова и дуэли его с Н.С. Мартыновым // Русский архив. 1872. №1. С. 206–213.

9. *Висковатов П.А.* Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. М.: Современник, 1987. 494 с. (Б-ка «Любителям российской словесности»).
10. *Гоголь Н.В.* В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Полное собр. соч. [В 14 т.] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. С. 369–409.
11. *Голубкова А.* Литературная критика В.В. Розанова: опыт системного анализа Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 432 с. (Б-ка журнала «Эн-телехия»).
12. *Дружинин А.В.* Письмо иногороднего подписчика о русской журналистике (XXV) // Библиотека для чтения. 1852. №1. С. 119–129.
13. *Достоевский Ф.М.* Бесы // Полное собр. соч. в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 10. С. 165.
14. *Ф.М. Достоевский* в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К.И. Тюнькина. В 2 т. М.: Худож. лит., 1990. Т. 2. 622 с.
15. *Дурылин С.Н.* В своем углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с., ил. (Биб-ка мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 21).
16. *Дурылин С.Н.* «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Комментарии. 2-е изд., доп. подгот. А.А. Аникиным. М.: Мультиритура, 2006. 296 с. («Классический комментарий»).
17. *Дурылин С.Н.* Как работал Лермонтов // Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во журнала «Москва», 2014. С. 448–568.
18. *Дурылин С.Н.* О Василии Васильевиче // В своем углу / сост. и прим. В.Н. Тороповой; предисл. Г.Е. Померанцевой. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 827–834. (Б-ка мемуаров: Близкое прошлое. Вып. 21).
19. *Дурылин С.Н.* Судьба Лермонтова // Русская мысль. 1914. №10 (окт). II отд. С. 1–30.
20. *(Зайцев) Константин, архимандрит.* Лермонтов (1814–1841) // Чудо русской истории. М.: НТЦ Форум, 2000. С. 714–725.
21. *Зайцев Б.К.* Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С. 72–78.
22. *Закржевский А.К.* Религия. Психология параллели. В.В. Розанов // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова

- в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и прим. Фатеева В.А. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 2. С. 147–168. («Русский путь»).
23. *Иванов Вячеслав*. Достоевский и роман-трагедия // Борозды и межи. Опыт эстетические и критические. М.: Мусагеть, 1916. С. 3–61.
 24. *Иванов Вячеслав*. Лермонтов // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С. 143–164.
 25. *Ильин В.Н.* Грусть // Новое Слово (Берлин). 1941. 3 августа. №32(361). С. 5.
 26. *Ильин В.Н.* Печаль души молодой (М.Ю. Лермонтов) // Фаталист. Зарубежная Россия и Лермонтов. М.: Русский мир, 1999. С. 20–30.
 27. *Ильин В.Н.* Тайновидение у Пушкина и Лермонтова // Пожар миров. Избранные статьи из журнала «Возрождение» / сост. А.П. Козырев. М.: Прогресс-Традиция, 2009. С. 323–348.
 28. *Ильин В.Н.* Эссе о русской культуре / вступ. ст. А. Козырева. СПб.: Акрополь, 1997. 461 с.
 29. *Ильин И.А.* О чтении и критике // Одинокий художник: статьи, речи, лекции. М.: Искусство, 1993. С. 18–38.
 30. *Ильюнина Л.А.* Искусство и молитва: по материалам наследия старца Софрония (Сахарова) // Русская литература / ИРЛИ. 1995. №1. С. 218–225.
 31. *Ключевский В.О.* Грусть: Памяти М.Ю. Лермонтова // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. С. 427–447.
 32. *Лермонтов М.Ю.* Собр. соч.: В 4 т. М.: Наука, 1979–1981.
 33. Михаил Юрьевич *Лермонтов*: энциклопедический словарь / МГОУ; гл. ред. И.А. Киселёва. М.: Индрик, 2014. 938 с.
 34. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
 35. *Лосский Н.О.* Характер русского народа // Условия абсолютного добра. Основы этики; Характер русского народа. М.: Политиздат, 1991. С. 238–352. (Б-ка этической мысли).
 36. *Мартынов С.Н.* История дуэли М.Ю. Лермонтова с Н.С. Мартыновым // Русское обозрение. 1898. №1. С. 313–326.

37. *Мартьянов П.К.* Последние дни жизни М.Ю. Лермонтова / сост. и авт. предисл. Д.А. Алексеев. М.: Гелиос АРВ, 2008. 384 с.
38. *Назарова Л.* Найдутся ли лермонтовские реликвии? // Аврора. 1989. №10. С. 138–140.
39. *Опочинин Е.* Беседы о Достоевском // Звенья. [сборник] Т. 6. М.; Л., 1936. С. 470–471.
40. *Перцов П.* «Будущий» Лермонтов (К 75-летию со дня смерти: † 15 июля 1841 года) // Новое время. 1916. 15(28) июля. №14496. С. 4.
41. *Перцов П.П.* Литературные афоризмы. (Лермонтов) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. архив, 1994. С. 212–236.
42. *Перцов П.П.* Прощать ли Мартынова? (Маленький фельетон) // Новое время. 1916. 1(14) авг. №14513. С. 3.
43. *Резниченко Анна.* Сергей Дурылин: проекты и наброски (к реконструкции ландшафта) // Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. С. 463–487. («Исследования по истории русской мысли». Том 14).
44. *Розанов В.В.* Апокалипсис нашего времени // Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 429 с.
45. *Розанов В.В.* В.Г. Белинский (К 100-летию со дня рождения) // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 501–507.
46. *Розанов В.В.* Величайшая минута истории // Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 340–352.
47. *Розанов В.В.* «Вечно печальная дуэль» // Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1996. С. 287–299.
48. *Розанов В.В.* «Гений формы» (К 100-летию со дня рождения Гоголя) // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 345–352.

49. *Розанов В.В.* «Демон» Лермонтова в окружении древних мифов // *Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1999. С. 187–196.
50. *Розанов В.В.* «Демон» Лермонтова и его древние родичи // *Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 95–104.
51. *Розанов В.В.* Домик Лермонтова в Пятигорске // *Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 272–280.
52. *Розанов В.В.* Домик Пушкина в Москве // *Собрание сочинений. Среди художников / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1994. С. 342–344.
53. *Розанов В.В.* Заметка о Пушкине // *Собрание сочинений. Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Литературные очерки. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1996. С. 420–426.
54. *Розанов В.В.* Забытое возле Толстого... // *О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 470–472.
55. *Розанов В.В.* Ив. С. Тургенев (к 20-летию его смерти) // *Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 138–145.
56. *Розанов В.В.* Из восточных мотивов. Предисловие // *Собрание сочинений. В мире неясного и нерешённого. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 2005. С. 339–341.
57. *Розанов В. В.* Из загадок человеческой природы // *Собрание сочинений. В мире неясного и нерешённого. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 21–39.
58. *Розанов В.В.* Из седой древности // *Собрание сочинений. В мире неясного и нерешённого. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1995. С. 356–402.
59. *Розанов В.В.* К лекции г. Вл. Соловьева об Антихристе // *Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина.* М.: Республика, 1999. С. 100–105.

60. *Розанов В.В.* Как святой Стефан порубил «Прокудливую березу» и как началось на Руси пьянство // *Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 366–382.*
61. *Розанов В.В.* Концы и начала, «божественное» и демоническое», боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова) // *Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 78–95.*
62. *Розанов В.В.* Мимолетное // *Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 300–301.*
63. *Розанов В.В.* М.Ю. Лермонтов (К 60-летию кончины) // *Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 59–77.*
64. *Розанов В.В.* О древнеегипетской красоте // *Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 15–47.*
65. *Розанов В.В.* О Лермонтове // *Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 641–643.*
66. *Розанов В.В.* О себе и жизни своей / сост., предисл., коммент. В.Г. Сукача / М.: Моск. рабочий, 1990. 766 с.
67. *Розанов В.В.* Опавшие листья // *Уединенное / сост., вступ. ст. коммент. А.Н. Николюкина. М.: Политиздат, 1990. С. 87–370. (Мыслители XX века).*
68. *Розанов В.В.* Первая колыбельная песня на земле // *В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 423.*
69. *Розанов В.В.* Первая молитва на земле // *Собрание сочинений. В мире неясного и нерешенного. Из восточных мотивов / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 408–409.*
70. *Розанов В. В.* Письма 1917–1919 гг. // *Литературная учеба. 1990. №1. С. 72–86.*
71. *Розанов В.В.* По поводу одного стихотворения Лермонтова // *Собрание сочинений. Во дворе язычников / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1999. С. 313–320.*

72. *Розанов В.В.* По тихим обителям // Собрание сочинений. В темных религиозных лучах / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1994. С. 104–134.
73. *Розанов В.В.* Последние листья // Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 2000. 382 с.
74. *Розанов В.В.* Пушкин и Лермонтов // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 600–604.
75. *Розанов В. В.* Русский Нил / подг. текста, вступ. ст. и коммент. В. Сукача. М.: Нобель Пресс, 2011. 72 с.
76. *Розанов В.В.* С вершины тысячелетней пирамиды (Размышления о ходе русской литературы) // Собрание сочинений. О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1995. С. 659–673.
77. *Розанов В.В.* Сахарна // Собрание сочинений / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М.: Республика, 1998. 462 с.
78. *Розанов В.В.* Сочинения. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания / ИМЛИ РАН; ред. и коммент. В.Г. Сукача; вступ. ст. В.В. Бибихина. М.: Танаис, 1995. 802 с. (Лит. изгнанники).
79. *Розанов В.В.* Христианство и язык / публ. и прим. В.Г. Сукача // *Энтелехия*. 2006. №13. С. 102–119.
80. *Самарин Ю.Ф.* Из писем к И.С. Гагарину // М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. С. 383–385.
81. *Святитель Николай Сербский.* Мысли о добре и зле. Мн: Свято-Елисаветинский монастырь, 2005. 256 с.
82. *Семенов Л.П.* Лермонтов и Библия. (К столетию со дня рождения Лермонтова) // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. / под ред. проф. В.А. Шаповалова, проф. К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. Т. 1. С. 94–103.
83. *Семенов Л.П.* Лермонтов и фольклор Кавказа. Пятигорск, Орджоникидзе, 1941. 100 с.

84. *Сиротин В. И.* Лермонтов и христианство // Лермонтов и православие: сб. статей о творчестве М.Ю. Лермонтова. М.: Изд. дом «К единству», 2010. С. 184–233.
85. *Соловьев В.С.* Особое чествование Пушкина. Письмо в редакцию <журнала «Вестник Европы»> // *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 300–310.
86. *Соловьев В.С.* Лермонтов // *Философия искусства и литературная критика*. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.
87. *Сукач В.Г.* «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» (150 лет со дня рождения В.В. Розанова) // *Наше наследие*. 2006. №78.
88. *Тахо-Годи Е.А.* Художественный мир прозы А.Ф. Лосева. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. 399 с.
89. *Фатеев В.А.* В.В. Розанов. Жизнь. Творчество. Личность. Л.: Худож. лит., 1991. 368 с.
90. *Фатеев В.А.* Жизнеописание Василия Розанова. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. 1056 с.
91. *Фатеев В.А.* Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / сост., вступ. ст. и прим. Фатеева В.А. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 5–36. («Русский путь»).
92. *Шутова Т.А.* Русские писатели в современной мифологии Кавказа // *Кавказские научные записки*. 2010. № 3(4). С. 66–76.